

ДУША ХРАНИТ

Альманах

Выпуск №4

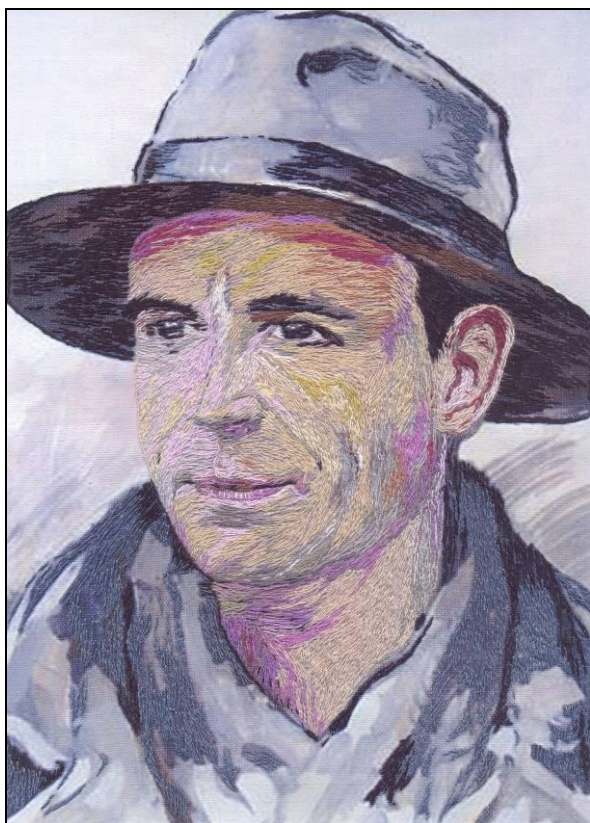
Саратов
Информационно-издательский комплекс «Вестник»
2013

УДК 810
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Альманах издаётся в рамках сотрудничества
Саратовского Рубцовского центра с Пушкин-
ским клубом Саратовского института РГТЭУ

В этом альманахе представлены произведения лауреатов и участников 4-го литературного конкурса, проводимого Саратовским Рубцовским центром с 1.11 по 31.12.2012 гг.

УДК 810
ББК 84 (2Рос=Рус)6
©Саратовский Рубцовский центр, 2013
©ООО ИИК «Вестник», 2013

Альбина Трофимова. «Николай Рубцов» вышивка гладью

ДУША ХРАНИТ

Вода недвижимее стекла.
И в глубине её светло.
И только щука, как стрела,
Пронзает водное стекло.

О, вид смиренный и родной!
Берёзы, избы по буграм
И, отражённый глубиной,
Как сон столетий, божий храм.

О, Русь – великий звездочёт!
Как звёзд не свергнуть с высоты,
Так век неслышно протечёт,
Не тронув этой красоты,

Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлён
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времён....

Любовь Чиркова
г. Саратов

ИТОГИ КОНКУРСА «ДУША ХРАНИТ – 2012»

Саратовский Рубцовский центр был создан в июле 2009 года с целью популяризации творчества известного русского поэта Николая Михайловича Рубцова и проведения ежегодных литературных конкурсов для выявления и информационного продвижения творчески одарённых современных поэтов и прозаиков, проживающих на территории Саратовской области, содействия их творческому росту и известности, а также привлечения читательской общественности к поэзии.

Четвёртый литературный конкурс, проводимый Саратовским Рубцовским центром, проходил с 1 ноября по 31 декабря 2012 г. На конкурс принимались работы авторов, пишущих на русском языке, как начинающих, так и публикующихся, независимо от гражданства, возраста, членства в Союзах писателей, как ранее опубликованных, так не публиковавшихся произведений. Конкурс проводился в один этап по следующим номинациям:

- проза (роман, повесть, рассказ, новелла);
- поэзия (стихи, поэма);
- драматургия (пьеса, комедия, трагедия);
- музыкальные произведения (музыка на стихи Н. Рубцова);
- публицистика;
- литературоведение,
- живопись.

На конкурс было прислано 94 работы. Членами жюри (Л.Л. Чиркова – председатель Саратовского Рубцовского центра, В.Г. Гурьянов – секретарь Правления Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, члены Союза писателей России – В.В. Масян, И.М. Малохаткин, Л.М. Каримова, О.Е. Барабанова) было отмечено 24 лауреата и 11 дипломантов конкурса.

Победителями конкурса стали в разных номинациях:

Публицистика:

Лауреаты:

Александра Баженова (г. Саратов);
Тамара Кайль (г. Саратов);
Валентина Суханова (г. Ртищево);
Елена Умнова (с. Елань Ртищевского района);
Евгений Саблин (г. Саратов).

Дипломант:

Александр Дивеев (г. Ртищево).

Литературоведение:

Лауреат:

Валерий Савин (г. Петровск);

Проза:

Лауреаты:

Александр Свешников (г. Саратов);
Ольга Бабрис (г. Саратов);
Тамара Серова (г. Саратов).

Дипломанты:

Юрий Дудаков (г. Саратов);
Евгений Саблин (г. Саратов).

Поэзия:

Лауреаты:

Ольга Комарова (г. Королёв Московской области);
Дмитрий Серов (г. Саратов);
Юрий Гринёв (с. Оркино, Петровского района);
Александр Дивеев (г. Ртищево);
Валентина Строгова (г. Рязань);
Василий Реснянский (г. Энгельс);
Александр Ерохин (г. Саратов);

Наталия Тремасова (г. Саратов);
Евгений Четвериков (г. Петровск).

Дипломанты:

Валерий Савин (г. Петровск);
Альбина Трофимова (г. Саратов);
Светлана Барбье (г. Энгельс);
Максим Крижановский (г. Саратов);
Салимжан Гайсин (г. Балаково);
Александра Перекальская (г. Хвалынский);
Виктория Аристова (с. Перелюб Саратовской обл.);
Ольга Шавыкина (г. Вольск).

Музыка:

Лауреаты:

Владимир Ступельман (г. Энгельс);
Алексей Кириллов (г. Саратов);
Елена Токарева (г. Саратов);
Галина Полкан (г. Саратов);
Александра Одрин (р.п. Тамала Пензенской обл.)

Живопись:

Лауреат:

Альбина Трофимова (г. Саратов).

Награждение победителей конкурса Дипломами и Почётными грамотами проводилось благодаря спонсорской поддержке партии КПРФ в лице депутата областной думы по Саратовской области О.Н. Алимовой.

* * *

В этом сборнике мы уделили особое внимание безвременно ушедшей в иной мир Лауреату Рубцовского конкурса «Душа хранит – 2012» Баженовой Александре Ивановне.

Бесконечно одарённый, неограниченно талантливый человек – писатель, критик, журналист (далеко не полный перечень её дарований) – Александра Ивановна, узнав о существовании в Саратове Рубцовского центра, горячо откликнулась и инициировала советы и идеи в помощь ему. Побывав на торжественном мероприятии – презентации альманаха «Душа хранит» № 2, выслушав выступления победителей литературно-музыкального конкурса с одноимённым названием и выступив сама, она радостно отметила: «Какие вы молодцы! В наше бездуховное время вы взялись за огромный воз. И то, что вам удалось сдвинуть его с места – уже хорошо...»

Она похвалила идею создания Центра в целом, некоторых авторов, всех благословила на дальнейшую деятельность.

Как много значили её слова, сказанные от чистого, наполненного восторгом, сердца. А вскоре вышли три статьи, написанные Александрой Ивановной, о Саратовском Рубцовском центре в разных саратовских газетах.

Автор книг и статей о поэтах Анатолии Передрееве и Николае Рубцове, она предложила провести совместный литературно-музыкальный вечер, посвящённый этим двум поэтам, совместив его с презентацией её книги о нашем земляке – Анатолии Передрееве.

Мы ждали выхода в свет этой книги, готовясь к вечеру, разучивая стихи и песни Передреева и Рубцова... И уж никак не могли поверить, что жизнь Александры Ивановны так нелепо и безвременно оборвётся на взлёте её творческих устремлений.

Может быть, кому-то покажется, что в данном сборнике много места отведено памяти А.И. Баженовой, но мы считаем, что об этом человеке можно рассказывать бесконечно, она этого заслужила своим талантом и титаническим трудом. И того, что сказано о ней здесь, – будет мало...

Александра Баженова

г. Саратов

РУБЦОВ В САРАТОВЕ

Стихи – какие-никакие – сочинить может каждый. И поэтов – каких-никаких – великое множество. Особенно у нас в России немало людей пишут стихи, частушки, романсы, песни. Есть среди них удачные. Так было и во времена фольклорные, долитературные, и во времена расцвета русского литературного языка в XIX, XX веках. Но слава НАРОДНЫХ поэтов закрепилась за немногими. Ещё Георгий Свиридов в своих мемуарах «Музыка как судьба» писал о том, что Есенина окружала низкорослая зависть, многочисленные скрытые Сальери, не потому, что он поэт, а потому, что он ИСТИННО НАРОДНЫЙ ПОЭТ. Сегодня любой далёкий от поэзии человек, даже любой бомж, лежащий под забором (если его растолкать), хоть строчку вспомнит из Есенина: «Клён ты мой опавший...», «Отговорила роща золотая...», «Ты жива ещё, моя старушка».

Так и с Николаем Рубцовым, отобразившим своим творчеством во второй половине XX века бесприютность, одиночество русской души. В его поэзии и всенародное сиротство, и неимущество советского человека, и скитальчество по просторам русских равнин и морей, и оставленность Богом, и много чего, что сформулировать трудно, но что генетический код наш сам узнаёт, встраиваясь в волну души поэта.

По всей стране – не благодаря чиновничеству от культуры, а вопреки ему и всему рухнувшему культурному окормлению народа государством, вопреки гвалту торговцев, валу оскорблений русского народа и его духовности, – идёт снизу небывалое движение всенародной любви к Николаю Рубцову. Во многих местах, – где он был и где никогда не был, – в Вологде, городе Артёме Приморского края, Москве, Череповце, Кирова, Брянске, Нижегородской области, Санкт-Петербурге, Рязани – люди собираются, читают стихи Рубцова, пишут на них музыку, поют песни. Художники, профессиональные и непрофессиональные, пишут картины, портреты Рубцова и его друзей. Люди изучают рукописи, воспоминания,

факты биографии поэта, в том числе малоизвестные, звукозаписи, книги. В память о поэте открываются музеи, рубцовские центры, мемориальные доски, создаются памятники, в школах появляются рубцовские уголки.

Всем этим занимаются совершенно бескорыстно простые люди – строители, библиотекари, учителя, журналисты, крестьяне, военные. Это ответная благодарность людей за необъятную любовь к ним и к своей родине ИСТИННО НАРОДНОГО ПОЭТА Николая Рубцова.

Ангел души поэта, пролетая «по холмам задремавшей отчизны», «родины вечного покоя», словно коснулся душевных струн русских людей, живущих на Саратовской земле. Во всенародный поток любви к поэту в 2009 году влился и Саратовский Рубцовский центр – общественная организация, по сути, областное литературное объединение. Возглавляет Рубцовский центр кандидат философских наук Любовь Леонидовна Чиркова...

Первым шагом её и её единомышленников было участие в Рубцовском конкурсе в Москве, который выигран саратовцами. Затем было участие в XIV открытом фестивале «Рубцовская осень» в Вологде, проходившем с 13 по 20 сентября 2011 года, где присутствовала и дочь поэта Елена Николаевна Рубцова. Четверо саратовцев – Любовь Чиркова, самобитный поэт Александр Ерохин, музыканты, барды Алексей Кириллов и Алексей Гаврилов – привезли туда свои литературные и музыкальные произведения. (...)

Такого грандиозного мероприятия, как в Вологде, прошедшего под патронажем Правительства, Министерства культуры России, администрации города и ГТРК «Вологда», конечно, в Саратове ожидать нельзя. У Саратовского Рубцовского центра нет даже своего помещения, где можно было бы разместить все рубцовские реликвии, а также собраться в любое время. Нет и своего счёта в банке. Саратовское отделение Союза писателей России позволят два раза в год собираться им в своём помещении, тоже не очень-то просторном. (...)

Саратовский Рубцовский центр, занимаясь разнообразной творческой деятельностью, избрал три наиболее приоритетных направления. Первое – выступления-встречи (концерты).

За эти годы уже выступали в Городском совете ветеранов, в санаториях (в Энгельсе, Октябрьском ущелье), в школах, институтах, техникумах (в частности несколько раз встречались со студентами и преподавателями монтажного техникума), лицеях, училище МВД, в доме престарелых, в библиотеках, саду «Липки», ЦСОНах, в литобъединении «Надежда» (Энгельс), перед ветеранами милицейской службы. Во многих организациях побывали неоднократно, так как искренние талантливые выступления понравились. (...)

Второе направление – ежегодные областные литературно-музыкальные конкурсы, посвящённые памяти Н.М. Рубцова «Душа хранит» (каждому приставляется год проведения. Например, «Душа хранит» – 2012, и т.д.) Уже провели три конкурса, в которых приняло участие более 70 человек. Участники были из Новых Бурас, села Елань Ртищевского района, Ртищево, Новопушкинского, Энгельса, Петровска, Саратова.

Третье также приоритетное направление – выпуск литературно-художественного альманаха «Душа хранит» И хотя тираж его из-за финансовых трудностей всего 100 экземпляров, альманах получается хорошего качества (вышло уже два выпуска) и достойного издательского уровня.

Деятельность Саратовского Рубцовского центра – пример бескорыстного творческого отношения к развитию духовно-нравственной культуры земляков-саратовцев. Призываем и мы всех помочь этому благородному направлению.

Любовь Чиркова
г. Саратов

ПО РОДНЫМ МЕСТАМ РУБЦОВА

На XVI открытый фестиваль поэзии и музыки «Рубцовская осень», посвящённый творчеству поэта Николая Рубцова, проходящий 19-21 сентября 2013 года в Вологде отправились два члена Саратовского Рубцовского центра – поэт Александр Ерохин и бард Виталий Шейко¹. Областной фестиваль, организаторами которого, как и прежде, выступили Любовь Зверева и Ирина Цветкова, продолжался три дня.

Ирина Цветкова и Любовь Зверева

Погода не подвела: в первый день после приезда в Вологду прошёл небольшой дождь, а потом установилась тёпльня.

Участникам фестиваля был предоставлен администрацией города комфортабельный автобус, на котором они отправились в село Шуйское Междуреченского района по плану экскурсии по рубцовским местам Междуречья «И буду жить в своём народе». Автобус двигался по дороге, по обеим сторонам которой тянулся живописный лес с деревьями, раскра-

¹ В статье использованы фотографии Виталия Шейко.

шенными в жёлто-оранжевый, ярко-красный и изумрудно-зелёный цвета. По пути желающие зайти в лес углубились метров на 5 и увидели море грибов размером с тарелку, зарево брусники...

Проехали деревню Космово, посмотрев на дом, окрашенный в зелёный цвет, на котором в 2005 году была открыта памятная доска, посвящённая Н.М. Рубцову. В этот дом трижды приезжал к своей любимой девушке Тане Агафоновой в то время учащийся лесного техникума Николай Рубцов, начинающий сочинитель, неизвестный никому из читающей публики, будущий признанный поэт не только в России, но и за рубежом, поистине народный поэт. Девушка была его Музой, ей он посвятил несколько стихотворений. В деревне когда-то стоял магазин, куда Рубцов по приезду в село бегал за водкой и конфетами, но в настоящее время строение не сохранилось.

Затем автобус въехал в село Шуйское и остановился возле двухэтажной средней школы, где на втором этаже разместился школьный музей «Николай Рубцов в Междуречье». В великолепном музее – обилие подлинных вещей и документов поэта, его фотографии, стихи, письма, рукописи, прижизненные издания и публикации. Что ни стенд – открытие, что ни витрина – откровение. В музее перед собравшимися гостями выступила Татьяна Ивановна Решетова (Агафонова) – скромная женщина, которая 40 лет молчала: ни о себе, ни о Рубцове не рассказывала.

Она поделилась воспоминаниями о своей судьбе, о трудном детстве, об учёбе в педагогическом техникуме в городе Тотьма, где познакомилась с Николаем Рубцовым, о своей поездке по направлению после учёбы в Азербайджан, о замужестве, детях и пр. Муза поэта рассказывала со всей откровенностью, обаянием и простотой, чистотой мыслей и чувств, прелестью воспоминаний, предельной искренностью и духовной наполненностью. Ей поэт посвятил высокие, задушевные, исповедальные строки, которые знает теперь каждый любитель и ценитель поэзии. Молодые люди познакомились, когда им обоим было по 16 лет, переписывались два года. Девушке будущий поэт казался улыбчивым парнем с красивыми глазами, эрудированным, начитанным. Он писал

ей объёмные письма, некоторые в стихах, но девушка не знала, что Рубцов будет знаменитым поэтом, письма не сохранила, о чём сейчас сожалеет. Эти письма помогли бы понять внутренний мир поэта, в них он раскрывался как человек.

Татьяна Решетова дарит свою книгу Александру Ерохину

Затем гости поехали в Вологду, к памятнику Николая Рубцова (скульптор Александр Шебунин), где состоялось главное событие фестивальной программы – большой литературный праздник – открытый микрофон «Моё слово верное прозвучит» на Советском проспекте г. Вологды, куда съехались лучшие творческие исполнители и барды с разных уголков России: Санкт-Петербурга, Москвы, Рязани, Саратова, Череповца и других городов.

Здесь, у памятника, Александр Ерохин, как и другие поэты, прочёл стихи Николая Рубцова и собственного сочинения, а Виталий Шейко исполнил две песни на стихи Николая Рубцова и собственную музыку «Берёзы» и «Первый снег». Всем выступающим были вручены памятные подарки – портрет Н. Рубцова в рамке, красочная афиша фестиваля и коробка конфет.

Поёт Виталий Шейко

Вечером того же дня состоялся концерт гостей фестиваля из разных городов «Привет Россия – родина моя», который проходил в Вологодской областной картинной галерее (Кремлёвская пл., д.3). Зрители тепло встретили и бурными аплодисментами отметили выступления участников фестиваля, исполняющих песни и читающих стихи,

Выступление Александра Ерохина в картинной галерее

На следующий день гости фестиваля совершили на автобусе экскурсию по памятным местам Николая Рубцова в городе Вологде «Душа хранит». Они побывали возле дома, в однокомнатной квартире на пятом этаже которого жил и погиб выдающийся русский поэт.

Дом, где жил Н. Рубцов

Закончилась экскурсия на кладбище, возле могилы Николая Рубцова, где гости, в том числе и саратовцы, возложили цветы.

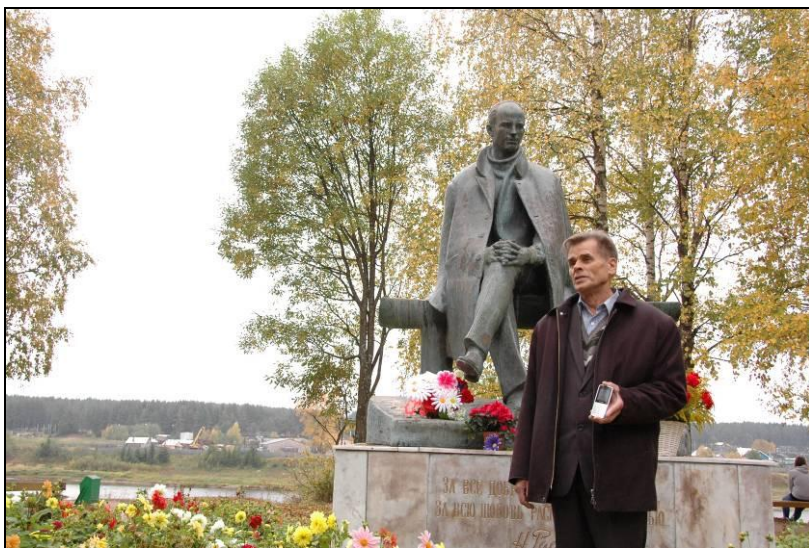
Далее по программе состоялся гала-концерт «Мастера рубцовской песни», проходивший в Вологодском областном музыкальном колледже (ул. Горького, 105), на котором присутствовали Сергей Зыков, Александр Лепёхин, Юрий Смирнов из Санкт-Петербурга, Валентина Строгова из Рязани, саратовцы Александр Ерохин и Виталий Шейко и другие.

21 сентября, полседьмого утра участников фестиваля на автобусе повезли в Тотьму, которая расположена в 215 километрах к северо-востоку от Вологды на левом берегу реки Сухоны. Тотьма – город, основанный в 1137 году, стоит на пути в Великий Устюг – родину Деда Мороза. В своё время А. Луначарский писал об этом городе: «Тотьма – очаровательный узорный городок, с церквями в стиле рококо на берегу громадной реки, за которой тянутся тёмные леса... Я вспоми-

наю Тотьму, как какую-то зимнюю сказку, как декорацию для «Снегурочки».

Сюда, в Тотьму, Николай Рубцов приехал после окончания семилетней школы и после неудавшейся попытки поступить в Рижское мореходное училище, куда его не приняли по возрасту. Здесь будущий поэт поступил учиться в лесной техникум, где проучился два года. Этот техникум располагался в стенах Спасо-Суморина монастыря, бывшего когда-то крупнейшим духовным и культурным центром Русского Севера.

В рамках программы «Рубцовская осень в Тотьме-Николе» гости вначале подъехали и осмотрели храмы в честь Воскресения Христова и в честь Успенья Пресвятой Богородицы. Ныне это музей церковной старины. После чего все отправилось к памятнику Николая Рубцова, установленному на берегу реки Сухоны (скульптор Вячеслав Клыков). Это один из лучших памятников поэту, куда ежегодно почитатели таланта Рубцова собираются на «Рубцовскую осень» и фестиваль «Острова свои обогреваем». Здесь, у памятника, состоялось традиционное возложение цветов, поэты читали стихи Николая Рубцова и свои, посвящённые поэту.

Александр Ерохин читает стихи

Праздник завершился в читальном зале Тотемской центральной районной библиотеке им. Н.М. Рубцова (г. Тотьма, ул. Ленина д. 21), музыкально-поэтической встречей творческой интеллигенции – исполнителей рубцовской песни из Санкт-Петербурга, Москвы, Рязани, Саратова, Кирова. Читальный зал едва мог вместить всех желающих, зато дружеская атмосфера, с которой тепло приняли гостей тотьмичи и доброжелательный настрой самих артистов позволили сделать эту встречу незабываемой. Артист Москонцерта Дмитрий Швед, поэтесса и бард из Санкт-Петербурга Людмила Гарни, исполнитель авторской песни Татьяна Колосова, поэт Николай Астафьев, а также представители рубцовских центров подарили тотьмичам прекрасный концерт.

Такой же вечер прошёл и в селе Николе, куда сразу же отправились артисты. Именно сюда, в детский дом, семилетний Коля Рубцов попал после смерти матери и ухода отца на фронт осенью 1943 года. Здесь в двухэтажной деревянной школе учился будущий поэт, проживая на втором этаже в одной из комнат. В детском доме прошли его 7 детских и отроческих лет. С 1990 года этот детский дом стал мемориальным музеем имени Н.М. Рубцова.

Детский дом в селе Никольское

Из музея гости отправились по селу к храму, который во времена обучения здесь Николая Рубцова был разрушен, а в настоящее время восстанавливается, и здесь проходит служба.

О Никольском Николай Рубцов писал: «Это бедное, доброе, красивое (правда, немного беспорядочное) село. По вечерам здесь бывает особенно тихо, грустно и хорошо...» Именно из Николы Рубцов писал письмо другу: «Сижу сейчас... в одной из самых старых и почерневших избышек селения Никольского – это лесистый и холмистый, кажущийся иногда совершенно пустынным, погружённый сейчас в ранние зимние сумерки уголок необъятной, прежде зажиточной и удалой Вологодской Руси...» И об этом селе поэт сказал: «Мне здесь легко дышится». Сюда Рубцов возвращался неоднократно, лучшие его стихи были написаны именно здесь. Это «В горнице», «Я буду скакать по холмам...», «После грозы», «На реке», «Родная деревня» и другие. Здесь подготовлен к изданию сборник «Звезда полей», принёсший Рубцову популярность.

В Доме культуры села Никольского гости дали концерт, в котором участвовали и саратовцы. Из Николы выехали в 5 часов вечера. Всю дорогу до Вологды пели песни на стихи Николая Рубцова и другие. А утром следующего дня участники фестиваля разъезжались по домам, увозя с собой частицу вологодского праздника.

Владимир Вардугин
г. Саратов

«ЗА ВСЁ ДОБРО РАСПЛАТИМСЯ ДОБРОМ...»¹

***Рецензия-некролог на последние книги
Александры Ивановны Баженовой
(22.01. 1947 – 04.09.2013)***

В начале 1990-х годов для любителей чтения наступила райская пора: всё, чего раньше было не достать днём с огнём, заполнило книжные прилавки, в том числе и сказки, мифы, легенды. Кроме государственных издательств пополняли библиотеки и частные. Одно из первых частных издательств Саратова, «Надежда», обратилось ко мне с просьбой составить сборники мифов разных народов, предложив начать серию с греческих. «Да ими и так уже завалены магазины, – возразил я, – давайте лучше начнём с мифов древних славян». Издатели согласились, а я озадачился: кроме желания дать читателю родную мифологию у меня ничего не было.

Выручила Александра Ивановна Баженова, в ту пору возглавлявшая редакторов Приволжского книжного издательства. Оказалось, что ещё лет десять назад, участь в Литературном институте, она ходила в Ленинскую библиотеку и переписывала от руки (ни ксероксов, ни сканеров тогда не существовало!) изданные малыми тиражами в начале XIX века книги А. Кайсарова «Славянская и российская мифология» и Г. Глинки «Древняя религия славян».

Добавили мы главу «Рождение богов и богинь» из книги академика Б.А. Рыбакова «Язычество древних славян», только что изданную небольшим тиражом в Волгограде «Велесову книгу», Александра Ивановна написала обширное предисловие «Солнечные боги славян», облегчающее вхождение в книгу оторванного от своих корней читателя, – и стотысячный тираж «Мифов древних славян» из Саратова разошёлся по всей стране.

¹ Газета «Русская речь» №3 (46), октябрь, 2013 г.

А Баженова продолжила поиск славянских древностей. Вся жизнь она собирала по крупицам разбросанные в разных малодоступных источниках (книгах, музеях, архивах) имена наших предков, в итоге десятилетий труда в Москве в 2006 году вышел в свет главный её труд – «Славян родные имена. Словарь исторических родокоренных имён славян и руссов за два тысячелетия».

Чтобы распространить знания о славянах, в декабре 1992 года Александра Ивановна создала Саратовское отделение Международного фонда славянской письменности и культуры, и уже 24 мая следующего года в Саратове впервые отмечали эту дату в кинотеатре «Пионер» концертом, организованным Баженовой и малочисленной, но сплочённой группой её единомышленников.

А ещё через год она повезла своих соратников на праздник Дня славянской письменности и культуры в Белгород (до 2009 года назначался «главный» город празднования, куда съезжались любители славянской культуры со всей страны; в 1994 году это был Белгород, практика выездных торжеств прекратилась в 2009 году, когда центром празднества был Саратов). В Белгороде Александра Ивановна познакомила нас со скульптором Вячеславом Михайловичем Клыковым, председателем созданного им Международного фонда славянской письменности и культуры.

Благодаря Александре Ивановне земляки узнали многие забытые или ещё неоткрытые имена подвижников славянской культуры. Так, из её уст я впервые услышал о наших современниках – замечательных поэтах Геннадии Ступине (уроженце Аткарска), Владимире Турапине и Николае Зиновьеве, по-иному (как на классика) взглянул на Анатолия Передреева. Творчеству последнего Баженова посвятила ещё неизданную книгу, подружившись с братом поэта и почерпнув от него сведения о детских годах нашего земляка, уроженца села Новый Сокур Татищевского района.

Самого Анатолия Константиновича Перелреева она встречала в Центральном доме литератора в годы своей учёбы в Литинституте, но постеснялась познакомиться с ним. В 1990 и 2000-е годы, будучи уже зрелым литератором (в 1993 году её приняли в Союз писателей России как литера-

турного критика), Александра Ивановна приняла деятельное участие в литературной судьбе многих начинающих писателей. Так, пока большинство критиков восторгалось появлением на литературном горизонте кубанца Николая Александровича Зиновьева, Александра Ивановна не ленилась посылать поэту развёрнутые критические разборы всех выходявших одна за другой книг Зиновьева, что, по признанию самого поэта, весьма благотворно сказалось на его творчестве.

Впрочем, это определение – «не ленилась» – совсем лишнее рядом с её именем: Баженова обладала колоссальной работоспособностью. Ведь, критику написать рецензию, тем более – на книгу, надо сначала прочитать сотни страниц разбираемого произведения, осмыслить их и найти убедительные аргументы в доказательство своей правоты. Плюс к профессиональным заботам ещё и общественная деятельность (фонд славянской письменности и культуры), да ещё обязанности мамы и бабушки не позволяли ей воплотить в жизнь всё задуманное, из-под её пера вышло не так много книг «Звёздные взлёты русской культуры», в 1995 году и «А.С. Кайсаров – забытый герой раннепушкинской эпохи», вышеупомянутый словарь славянских имён в 2006 году – вот и всё, хотя каждая из этих книг – событие в литературной жизни не только Саратова, но и страны (за словарь Баженова удостоена всероссийской литературной премии имени братьев Киреевских).

В августе 2013 года дождалась Баженова публикации сразу двух своих книг. В Саратове на свои деньги тиражом всего в сотню экземпляров издала сборник избранных своих статей о поэтах, писателях, музыкантах, дорогих её сердцу – Анатолии Передрееве, Николае Рубцове, Георгии Свиридове, Олеге Трубочёве (с этим известным славистом она дружила), Геннадии Ступине, Валентине Сорокине, Валерии Хатюшине, о наших земляках литературоведе Александре Скафтымове, писателе Олеге Лукьянове и поэте Владимире Борзове. О забытых именах прошлых столетий – Иване Дмитриеве, о плеяде деятелей культуры из рода Глинок, о Голицыных, обзоры о русском романсе и о скоморошничестве на Руси. Такая маленькая энциклопедия (хотя объём книги и составляет

510 страниц, но сколь обширна история культуры нашей страны!) культурной жизни истории последних двух веков.

С этой книгой 3 сентября Александра Ивановна поехала в Москву на открывающуюся международную книжную ярмарку, где уже была выставлена выпущенная тиражом в две тысячи экземпляров столичным издательством «Алгоритм» книга Баженовой «Легенды и боги древних славян» – фундаментальное исследование (576 страниц) верований и обычаев, календарных праздников и быта наших предков в дохристианскую эпоху. Как и над словарём славянских имён, над этой книгой трудилась Баженова не одно десятилетие. Список использованной (прочитанной, процитированной, переосмысленной, дополненной и исправленной) литературы – 365 названий – говорит о титаническом труде автора новой книги. В данном случае можно уже сказать не о маленькой, а о самой настоящей энциклопедии жизни древних славян.

Да и не только о стародавних временах ведёт речь писательница: повествуя о «делах давно минувших дней», наша землячка умудрилась соединить несоединимое: сугубо научное исследование со страстной публицистикой. Причём она находит простые и ясные слова для донесения смысла сложных понятий (вспомнилось, как мой товарищ предложил жене прочитать философские труды Ивана Ильина, и та с недоумением, раскрыв сочинения мыслителя, заметила: «Какой же он философ? Тут же всё понятно!»).

Вот прозвучавшие свежо размышления Баженовой о набившей оскомину от частого употребления теме «корней», связи поколений: *«Исследования этнопсихологов последних лет показали: чуждая культурная среда (например, англоязычная: ранние – раньше пятого класса – уроки английского, песни на чужом языке, компьютерные команды и так далее) угнетающе действует на все способности ребёнка, даже на его физиологическое развитие. Пример можно привести из жизни русских эмигрантов первой волны (воспитанных на родине). Они и за рубежом прославили своё имя, среди них было много талантов и даже гениев, но их дети, внуки, выросшие в чужой среде? Где они? Где их таланты? Видно, что род русских эмигрантов деградирует и растворяется в чужой языковой и культурной среде. Выходит,*

предательство (хотя бы и не по своей вине) веры, традиций, памяти предков неизбежно делает человека глупым, болезненным, малодушным. И наоборот, следование заветам предков полезно для здоровья, ума и души, высокого интеллекта, нравственной чистоты, жизненного успеха, для потомства. Это известно тысячи лет: «чти отца и мать твою, да благо ти будет и долголетен ти будеши на земли».

Пятую заповедь Александра Ивановна свято соблюдала, хранила покой своей мамы, простой крестьянки из села Шумейки Энгельсского района, на деревенском кладбище этого малороссийского поселения похоронили писательницу 8 сентября там же, рядом с матерью. Возвращаясь с книжной ярмарки в десять часов вечера к своим друзьям в Раменском на ночлег, Александра Ивановна попала под машину, до больницы скорая помощь её не успела довезти. Так трагически и неожиданно окончился земной путь нашей соратницы, много сделавшей для возвращения в общественную память заветов наших предков. Осталось её творческое наследие, которое ещё предстоит освоить вдумчивому читателю: последние её книги наполнены статьями, в коих спрессована мудрость поколений, запечатлённая в трудах тех, о ком пишет исследовательница (книга «За всё добро расплатимся добром...», названа так по строке Николая Рубцова) и в легендах и мифах древних славян, блестящий анализ которых представлен в книге «Легенды и боги древних славян». Первая книга, к сожалению, из-за малости тиража малодоступна широкому читателю. Вторую же можно заказать и купить в интернет-магазине ([http:// www. polikniga. ru](http://www.polikniga.ru))

13 октября, в день сороковин, состоится вечер памяти – презентация новых книг Александры Ивановны Баженовой. Всех, кому интересна славянская тема и дорога русская культура (две постоянных темы в творчестве Баженовой), её друзья и соратники приглашают в областную научную библиотеку (ул. Горького, 40) в 16 часов.

Вера Галактионова

г. Москва

ВОЛГА – РУССКАЯ РЕКА¹

Памяти Саши Баженовой

Вчера, кажется, шла сквозь весну, – опрятная, сосредоточенная. По коридору Литинститута, мимо распахнутых окон. В шумную, весёлую аудиторию. Она, Сашенька Баженова, самая прилежная из нашего курса, человек точного вектора и точного знания... А 4 сентября, в 10 часов вечера эта лёгкая, всегда – особенно выверенная поступь её прервалась. Сашу сбила машина где-то в Раменском, когда она переходила дорогу.

Мне сообщила о трагедии, переживая её гибель, образованнейшая Галина Александровна Богатова. Они были не просто дружны, но сопряжены в жизни и в литературной работе, продлевая научную миссию великого русского языковеда Олега Николаевича Трубачёва в слове и деле. Один из результатов этого союза – Сашин обширнейший «Словарь исторических родокоренных имён славян и руссов за два тысячелетия» (*изд. «Ладога-1000», 20006 г.*). В его основе – долгий её труд по изучению древних рукописей, хроник, надписей на камнях, берестяных грамот. И вдруг в телефоне: «Саша в море... Позвонил следователь, при ней был адрес...»

Через Раменское управление МВД мне удалось узнать немного – что каких-либо явных признаков заказного убийства не видно, что «скорая» подъехала быстро, что Саша ещё жила, когда её увозили в больницу, но... «ею были получены травмы, не совместимые с жизнью».

Постичь всю несуразность такой гибели совершенно невозможно – Саша была очень осмотрительной в любых обстоятельствах. И благоразумной, как никто другой. В юности мы как-то все выбивались из правил и расписаний, по благим поводам и не очень. Саша – никогда. В ней всё было подчи-

¹ Газета «День литературы» №9 (203), сентябрь 1013 г.

нено одному служению – исследованию истоков нашей славянской былой силы.

Она отличалась от прочих студентов во всём. Многие из нас могли уйти из общежития в храм «Нечаянная радость» в канун Пасхи Христовой, вернуться далеко за полночь, чтобы тут же с двумя бутылками сухого вина усесться за накрытый стол, а наутро таращить сонные глаза на экзаменатора, подолгу ждущего от нас обстоятельного ответа. Уж не говорю о самых банальных частых посиделках допоздна, в чьей-либо комнате – то с западно-украинскими спорщиками-националистами, то с поэтами-цыганами, вытворяющими чудеса на обшарпанных своих гитарах. Мы, прозаики, охотно «сканировали слои незнакомых сторон жизни» – мы «набирали детали» для будущих повестей и романов. Но Саша, учившаяся в семинаре критики, обходила стороной любое отвлечение от строгих своих занятий, и ни один вопрос экзаменатора не мог потом застать её врасплох.

Режим Саши Баженовой с педантичной точностью был подчинён работе, отдыху – ровно на столько, чтобы восстановить силы, снова – работе, что в условиях общежития на улице Руставели мало кому удавалось. Она раньше всех, с первого же курса, начала публиковаться в столичных журналах и знакомилась лишь с теми людьми, с которыми могло её связать общее дело. Остальные её не привлекали.

Прекрасно понимая, какую роковую роль может сыграть в судьбе пишущего человека пренебрежение к «мелочам» жизни, она помогала мне не раз – очень дальновидным практическим каким-нибудь советом, крайне своевременным, а в общем – добротой к своим: обе мы со Средней Волги.

Как-то я беспечно смеялась над собою: «Нарядилась во всё зелёное – и едва не попала под зелёный мчащийся трактор. Вот уж нелепый был бы конец!» Нелепый-то нелепый, только никого такое особо не удивило бы: ну, задумалась, как обычно. Однако по отношению к Саше – с её предусмотрительностью, с её выверенностью каждого шага, каждого движения, каждого слова – случай гибели при обычном переходе дороги показался бы любому из нас просто невозможным. Невероятным...

Эта смерть – не её! Ни по обстоятельствам гибели, ни по срокам. Вот что ввергает в оторопь и в тяжелейшее недоуме-

ние. Саше ещё десять бы, пятнадцать, двадцать лет работать и работать, самым плодотворнейшим образом!..

Четвёртого сентября она поехала с Московской книжной выставки не к Галине Александровне, как обычно, и не ко мне, где было ей, конечно, менее удобно, но всё же... Саша привозила в Москву новую свою книгу, которая теперь уже кажется провидчески итоговой: «За всё добро расплатимся добром». Мне сказали об этом по телефону её земляки-товарищи. И ещё добавили, что издана она была за свой счёт, по которому Саша осталась должна: расплатиться сразу ей было нечем.

И как же горько резануло это по сердцу! Там, где, казалось бы, специалиста такого высочайшего уровня местные издательства должны были печатать нарасхват, с гонорарами, соответственными мастерству написанного, для нового произведения Александры Баженовой не отыскали ни места в Саратовских издательских планах, ни средств на издание многих прежних её работ. И это – на родине!

«Волга, Волга, мать родная. Волга – русская река...» Я не знаю другого такого места в России, как эта самая её сердцевина, Средняя Волга, где прекрасно действуют и развиваются на протяжении многих десятилетий филологические школы исключительно иного направления, далёкого от почвенной, традиционной русской литературы с её критикой и отечественным литературоведением. В темах научных диссертаций лишь крайне редко тут мелькнёт имя К. Федина, Л. Леонова, В. Распутина. А имена В. Белова, В. Личутина, В. Крупина, Л. Бородина в этих списках, боюсь, вы будете отыскивать долго. Нас же, более молодых литераторов, и давным изучают не здесь – не в Шашином Саратове и не в моей Самаре, а совсем в других университетах, самых разных, российских и зарубежных.

Знает ли Саратов, Кого он хоронил 8 сентября, в селе под городом Энгельсом, – на том кладбище, где упокоены предки самоотверженного русского писателя Александры Ивановны Баженовой? Сомневаюсь. По статистике, популярность её, как писателя, многократно выше, чем в родном её городе, в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, в Новосибирске, в Латвии, в Беларуси, всего не перечтёшь. (Как-то открыла я «вордстат», посмотреть автоматiku интернета и на свой счёт:

где и сколько меня читают. Дошла по списку до самых низких показателей. В Нидерландах – 8 человек, в Самаре – 0).

Однако же удивительные новости приходят нынче из Волгограда – учёные филологи там отстаивают русское слово героически! Литературное течение Волги, похоже, местами налаживается...

Но был, был тот роковой вечер в Раменском, когда осмотрительную Сашу что-то вывело из обычного состояния. Какое-то сильное потрясение? Не узнать того. Она переходила дорогу и была сбита... Конечно, русский писатель Александра Баженова переходила дорогу многим, оживляя и утверждая в русской литературе заново славные имена непревзойдённого поэта А. Передреева и Л. Карсавина, выдающегося философа, осмыслившего основные принципы исторического бытия. Своими глубочайшими исследованиями их творчества Александра Ивановна уверенно отодвигала тех, кто занял в литературной иерархии чужие места. Но литературный бурьян, выдающий себя ныне за русскую литературу, не терпит этого и не прощает. Он колется и выпускает шипы. В литературе она шла сквозь чудовищное противодействие.

«Ею были получены травмы, не совместимые с жизнью»... Она получала их всю жизнь. И когда её точёные рукописи – свет миру, итог тяжелейшего научного труда, – попросту отвергались, как никому не нужные, «не рыночные». И когда требовали от неё ампутации, то есть сокращения строк, которые были созданы её подвижническим служением справедливости. И когда редактирующий – оловянный лоб, вместо выверенных её слов норовил вклеить в текст свои скоропелки, утверждаясь в собственном литературном всевластии... разве совместимо с жизнью то, что высоко профессиональный писательский труд десятилетиями не может пробиться к читателю? А пробившись с горем пополам, не оплачивается толком? Но глупейшая графомания домохозяйек идёт в печать с колёс, оплачиваемая по-царски щедро... И если уж говорить про «заботу» высшего руководства о представителях самой добросовестной творческой интеллигенции, обездоленной ныне вдрызг, то, боюсь, что те самые травмы несовместимы и с писательской смертью. Посмотрим, кто из крупного Саратовского начальства в воскресенье

приехал на сельское то кладбище, когда Сашу опускали в могилу.

Не просто складывались в самые разные времена и отношения Саши Баженовой с журналом «Волга», где она всё же иногда печаталась. Сколько интриг преграждало путь её работам... Как-то я говорила в узком кругу о травле, которой подвергается каждый русский писатель, достигший в своём творчестве малейшего успеха. Чего не хватает им, мелко клеветущим, вешающим ярлыки, исходящим злобой, непонятной, но неизбежной? Дел, что ли, у них своих нет? Посторонний человек, русский художник, молча слушавший этот разговор, сказал вдруг о них – о клеветниках: «Они не нас – они судьбу нашу ненавидят. Которая вся – по горящим углям...»

И всё же думаю, что слава трудов Александры Баженовой вся – впереди. Что очнутся в конце концов – и на Средней Волге, и по всей России-матушке. И вникнут. И прочтут. Издадут и переиздадут. Хотя бы посмертно. Добрую память на нашей земле Александра Ивановна Баженова не просто заслужила, она её заработала на века, не давая себе ни малейшей побрякки. Теперь все её пылающие «угли» позади – впереди одна просторная вечность.

ПУБЛИЦИСТИКА

Александра Баженова

г. Саратов

**«...ВЕЧНОСТИ МЕДЛЕННЫЙ ВЕТЕР
МОЁ ОВЕВАЕТ ЛИЦО»¹**

(Поэзия и судьба Анатолия Передреева)

Без всяких лозунгов и плакатов можно ярко выразить трудовой ритмичный созидательный советский XX век (вторую его половину). Можно, глядя на (по сути постылый) «индустриальный пейзаж», подняться в поэзии, по словам В. Белова, до тютчевского восприятия окружающего нас мира как частицы мироздания.

Когда с плотины падает река,
Когда река свергается с плотины,
И снова обретает берега,
И обнажает медленно глубины, –
Она стремится каждую волной
Туда, где синь господствует неслышно,
Где ивы наклонились над водой
И облака застыли неподвижно...

Стихотворение это – сам глагол, который Анатолий Передреев просто выдохнул... Так он органичен в лёгкой и прозрачной ткани стиха, проникновенной и совершенной в своей чеканной простоте. Но есть простота примитива, и есть простота таланта и гения. Есть простота графомана и простота мастера. Второе – предел устремлений всех поэтов. Предел, к которому наш земляк Анатолий Передреев подобрался очень близко.

В последние годы жизни Анатолия Передреева (1980-е) я училась в Литинституте и, как тогда водилось, часто хаживала в Центральный Дом литератора. В те времена в «предбаннике» ресторана ЦДЛ – небольшом буфетном зальчике – вечерами часто видела столик, за которым сидела выпивающая братия с малоразговорчивым Анатолием Передревым в центре, но никогда не подходила к хмельной компании, пила кофе за соседним столиком. Как говорится, «ноль

¹ Печатается в сокращении.

внимания, фунт презрения»: что подумают о молодой женщине мужики, если подсаживаться к ним?! Да и неинтересна мне была пьянка. В моих суровых исканиях ей не было места. Если бы я знала, что Передреев родом из моих краёв, всё же решила бы перекинуться с ним земляческим приветствием. Но Бог не дал мне тогда такого знания и не свёл нас. А потом оказалось поздно. Когда я всерьёз вчиталась в тонкозвучные стихи земляка и задумалась над внешне переменчивой, но в глубине укоренённо-русской жизнью поэта, его уже не было с нами...

Как это ни парадоксально, жизнь и литературная биография одного из замечательных русских поэтов XX века – Анатолия Константиновича Передреева (1932 – 1987) – до сих пор неизвестна.

Фамилия Передреев «говорящая». И немало. Происходит от существовавшего в XVI веке на Руси слова «передорщик», обозначавшего редкую профессию переписчика, а также печатника книг. Это значит, что предки Передреева из века в век, из поколения в поколение были грамотными людьми. (...) Передреевы и в XX веке, случалось, переженивались между собой. Так отец поэта Константин Васильевич (1892—1976), женился на Дарье Фёдоровне (1898—1979), урождённой Передреевой же. Родство супругов было невозстановимо дальнейшее, однако, души оказались родными.

Дом деда (по отцу) Василия, где родился поэт, был небольшой, на три окна, печка, сени – как у всех в округе в деревне Новый Сокур.¹ (Старый Сокур в сборнике и других изданиях назван ошибочно. Деревня Новый Сокур – увы! – в шестидесятые годы оказалась «неперспективной», расформировалась и ныне исчезла с лица земли, как и дом, где родился Передреев, и могилы его пращуров. А село Николаевский Городок, в Никольском соборе которого Анатолий был крещён, называется теперь Октябрьский Городок). Накануне вынужденного исхода из родного дома семью поэта (шестого ребёнка, которому тогда, в 1933-м году было меньше года)

¹ Место рождения Анатолия Передреева – Новый Сокур («сокур», «сокорь» – так называли местные жители дерево осокорь) в Татищевском районе Саратовской области.

посетил комбедовец-пьяница и стал требовать четверть самогона. Константин Васильевич возмутился: «Где я тебе возьму?! Я же не гоню самогон!» Комбедовец пригрозил, что вскоре придёт с уполномоченным и опишет их хозяйство, то есть попросту объявит кулаками (хотя они были крепкими середняками). Константин Васильевич знал, что это не просто угрозы, собрал пожитки и увёл семью от беды. Бежали они ночью по степи на железнодорожную станцию. По дороге их обворовали. Маленький Анатолий лежал голый на голой полке. Все вещи исчезли, И приехали они в Грозный в чём были. Слово «беженцы» тогда ещё не вошло в моду, как и понятие «статус». Чаще беженцы свой «статус» тщательно скрывали.

Здесь родились ещё двое детей – Борис и Валентина. Всего Передреевых было семь братьев и сестра. Трое братьев – Виктор (ему посвящено «Воспоминание о старшем брате»), Александр, Илья погибли на войне. Об этом Анатолий написал одно из первых стихотворений «Три старших брата было у меня...» (1958), и напечатано оно первым:

Три старших брата было у меня...

От них остались только имена.

Остались три портрета на стене,

Убиты братья на большой войне...

Брат Михаил, вернувшийся с войны инвалидом, писал стихи «для себя», иногда читал их братьям Анатолию и Борису. Анатолий порой сам перечитывал черновые наброски брата. Может, семейные занятия поэзией и подтолкнули его впоследствии к собственному творчеству. Кстати, после войны, узнав, что дают пенсию за погибших сыновей, Дарья Фёдоровна пошла в Собес и «оформила» пенсию, составившую 17 рублей. Так оценило тогда государство трёх погибших её сыновей и одного инвалида войны.

В Грозном Анатолий по 1946 год учился (всегда хорошо и легко) в неполной средней (семилетней) школе №5. Сестра Валентина вспоминает: после войны она опоздала с оформлением в первый класс на неделю. Все 10 (столько детей рождалось до войны) первых классов этой школы были переполнены. Валентину отказывались брать. Но одна старая учительница узнав, что она Передреева и сестра Анатолия, сказала: «Какой умный мальчик Ваш братик!»... И взяла Валентину к себе в класс только за то, что она – сестра Анато-

лия. В 1950-м Передреев окончил 10 классов средней школы рабочей молодёжи №6. Одновременно посещал курсы шоферов и крановщиков. В 1951-1952 годах работал на автобазе «Грознефть» крановщиком крана АК-5, шофёром. Ему было 20 лет. Он мечтал о литературе.

Передреев, как и многие тогда, был помимо желания выведен из деревни, оторван от корней, но – дитя окраин (на окраинах он жил в Грозном, Саратове, Москве) – не стал рафинированным горожанином. Позже, учась в Литинституте, в 1964 году он написал стихотворение «Окраина». Многие знавшие Передреева литераторы согласны с мыслью В. Кожина: «Передреев написал программные стихи, прозвучавшие как манифест поколения, чья молодость пришлась на 50-е – 60-е годы: «И города из нас не получилось, и навсегда утрачено село». Анатолий Передреев творил ещё в то время, когда общество было способно оценить стихи, выражавшие сокровенные настроения большинства людей.

Провиденье часто приходит к настоящему поэту, Николай Рубцов и Анатолий Передреев, жившие в одном времени, увидели и отразили Россию второй половины XX века с двух сторон, Рубцов считал: «Мать России целой – деревушка». Именно отсюда черпала людские ресурсы страна, отдавая их для молохов войны, строек коммунизма, освоения целинных земель, для растущих промышленных центров. Рубцов с болью описывал опустевшие русские деревни и сёла, где оставались одни старики, сторожащие обветшалые дома с пожелтевшими фотографиями некогда обширной родни на стенах; повалившиеся сараюшки; покосившиеся заборы. Сёла обезлюдили, одичали, а иные – исчезли с лица земли (как Новый Сокур).

После смерти поэта в Сибири и в Саратове (1992-1998) выходили газеты с одинаковым названием «Окраина». Понятие это, по-новому сформулированное Анатолием Передреевым, оказалось актуально и близко современникам.

Каждое лето (за исключением военных) Анатолий с матерью приезжали на родину в Саратов, и каждое лето они шли пешком от станции до деревни Новый Сокур. Там жила их многочисленная родня. И деревенские петухи запали ему в душу, и пение жаворонка, и туман в логу, и длинная степная

дорога, которая помогла постигать пространства равнинной родины. Позже, когда Анатолий писал о Рубцове, он со знанием дела отметил: «Такое «проездом» не скажешь, надо «идти» пешком». Анатолий при виде родных мест говорил: «Мама, какая у нас земля красивая! Какая красивая деревня!»

По словам знавшего Передреева критика В. Бондаренко: «До конца жизни он оставался свидетелем трагедии русской деревни, уже по той причине, что был выброшен из неё в годы самого Великого перелома. Его поэзия о деревне – это поэзия глубинного родового воспоминания. Поэзия депортированного русского о былом родном доме». Только знающий трагедию семьи Передреева поймёт всю горечь строк о потерянной родине, где всё дышит красотой.

Во время службы в армии (в Чехословакии; близ Барановичей; в разных лётных частях; в одном из батальонов аэродромного обслуживания) состоялось событие, никем из родни и друзей незамеченное, но в корне перевернувшее дальнейшую жизнь Анатолия Передреева: он начал сочинять стихи. Вдали от дома, близких делился мыслями и чувствами с белым листом. Из автобиографии: «Хотя к поэзии меня влекло с ранних лет, стихи я начал писать довольно поздно. Первое стихотворение я написал, когда мне было уже 23 года. И в дальнейшем писал очень мало, и, как видел сам, плохо». Есть предположение, что в стихах себя он пробовал ещё раньше. Но ранние стихи до нас не дошли.

После демобилизации Анатолий приехал снова в Саратов, где учился его брат Борис, продолжил учёбу на заочном отделении филфака и устроился на работу на метизный завод им. В.И. Ленина Саратовского Совнархоза.

В Саратове он написал несколько стихотворений, удавшихся лучше прежних, с большим напором жизнерадостности. Он отнёс подборку в областную газету «Коммунист», где стихи понравились литсотруднику В.Ф. Бойко. На счастье Передреева, это был истинный ценитель поэзии, и 7 июня 1959 года в № 132 (1947) вышла первая подборка, называвшаяся «Доброго пути! Стихи Анатолия Передреева». Стихи «Три старших брата было у меня...», «Щель», «В лесу» – ознаменовали рождение оригинального поэта, появившегося сразу, без «черновики».

17 декабря 1958 года Анатолий уволился с метизного завода. Привлекала романтика, да и заработки на строительстве Братской ГЭС. В 1959-е годы в СССР молодёжь, не успевшая на войну, рвалась на новостройки-гиганты, чтобы как-то поучаствовать в жизни страны. Таков был общественный строй патриотизма. И Анатолий – плоть от плоти своей страны, своего времени и своего народа – также заразился этим энтузиазмом. В июле 1959 выехал в Сибирь вместе с другом по Грозному В. Дробышевым. По дороге остановились в Москве и передали стихи Анатолия Б. Слуцкому, а тот переадресовал их Н. Асееву. 7 августа 1959-го Передреев зачислен бетонщиком на Братскгэсстрой. В это время в Москве в «Литературной газете» от 9 июля 1959 года в №85 (4051) вышла вторая подборка стихов поэта, называвшаяся в точности, как и первая, но напущение подписано Ник Асеевым. В неё вошли «Три старших брата...», «Четвёртый брат» (краткий вариант «Баллады о безномом сапожнике»), «Работа». Не прошло и месяца, как поэт был переведён (1 сентября) в редакцию газеты «Огни Ангары» на должность литсотрудника (две подборки в крупных газетах способствовали этому), где проработал по 1 февраля 1960-го. За четыре месяца работы в газете опубликованы пятнадцать очерков о строительстве и строителях Братской ГЭС, стихотворения «В лесу», «Про ямщика», «Каждое утро».

Расставшись с «Огнями Ангары», Передреев отправил стихи на конкурс в Литинститут. До начала экзаменов устроился ненадолго – с 6 апреля по 15 июня 1960 года – слесарем-монтажником 5 разряда в Братское монтажное управление Гидромонтаж Министерства электростанций СССР.

Наконец – Литинститут! Сдал все экзамены на «хорошо». Попал в семинар А.А. Коваленкова. Учёба в Литинституте – наиболее освещённая сторона жизни поэта. Не стоит останавливаться на этом времени. Он жил в общежитии Литинститута, имел много друзей, почитателей (да и собутыльников). Учился хорошо (я просматривала зачётку), но за пропуск занятий несколько раз лишался стипендии, имел выговоры за пьянку в общежитии и за то, что привёл туда девушку.

Литинститут расширял кругозор и круг общения, большие возможности открывала в этом плане и Москва. Никакой муштры (хотя дисциплину требовали)! На экзаменах цени-

лось не заучивание, а понимание и оригинальная оценка произведений классики. История литератур доминировала над языковыми дисциплинами. Лекции иных блестящих преподавателей превращались в театральные выступления с аплодисментами в конце. «Семинары», ... споры о поэзии, литературе продолжались и в общежитии. Хорошая филологическая подготовка Передреева делала учёбу в Литинституте лёгкой, а творческие дни были вообще праздником души. Хотя и большим переживанием – тоже.

Добрая половина стихов, созданных Передреевым, написана в литинститутские годы (1960—1965). В эти годы были публикации в журналах: «Знамя», «Октябрь», «Новый мир», «Юность», «Молодая гвардия»; вышел первый сборник «Судьба». Анатолий проходил дипломную практику в журнале «Знамя», где потом заведовал отделом поэзии. 22 апреля 1965 года он защитил диплом на «отлично».

После Литинститута вернулся в Грозный и начал готовить документы для вступления в Союз писателей. В те времена – процедура долгая (1968-1973) и сложная. Просил квартиру у местной власти. Параллельно – делал переводы, написал для журнала «Октябрь» статью о поэзии «Читая русских поэтов». Вскоре был принят в Союз на местном уровне. Получил четырёхкомнатную квартиру (которую позже, когда уехал из Грозного, передал родителям).

С 1960-го года по начало 1970 он постоянно курсировал из Москвы в Грозный и обратно. С октября 1968 года Передреев – член редколлегии журнала «Наш современник». 26 января 1971 года он пишет из Грозного Софье Александровне Гладышевой: «...Соня, Соня, пока я писал тебе, принесли газету. Умер Коля Рубцов...» Относительно Рубцова Николай Николаевич Котенко (1937-1998), однокурсник А. Передреева, поэт и критик, (автор рецензии на книгу «Лебедь у дороги» «Имя друга в скорбном ряду», журнал «Москва», №7, 1991) вспоминает: «Передреев с Рубцовым были неразлучны во все институтские годы. Передреев знал и читал при первом удобном случае – и до последних своих дней – стихи Рубцова, а тот, в свою очередь. Грудью вставал на защиту друга при любом посягательстве, даже при малейшем сомне-

нии в его талантливости». Горе Передреева было неизбывным...

С 18 апреля 1973 года Передреев принят в Московское отделение СП РСФСР «в связи с переездом на постоянное жительство в Москву, в это время к нему приехала семья.

После окончания Литинститута наступила пора чисто творческого труда, которому Передреев отдаётся самозабвенно. Писал стихи, размышления о поэзии, рецензии, переводил, редактировал. Всего у него вышло при жизни 5 сборников, венчавших 28 лет литературной деятельности: «Судьба» (М., 1864), «Равнина» (М., 1971), «Возвращение» (М., 1972), «Дорога в Шемаху» (Баку, 1981), «Стихотворения» (М., 1986) и один «День поэзии», где он был главным редактором (1981). После его смерти вышли «Любовь на окраине» (М., 1988); наиболее полный сборник «Лебедь у дороги» (М., 1990, изданный «Современником», с предисловием В. Белова); «День русской поэзии. Анатолий Передреев» (М., 1992, издатель В. Байбаков); «Разбуди эту землю, весна» (М., 1996, издатель А. Парпара); «Спой мне, море. Стихотворения и письма. Семейный фотоальбом. Воспоминания о поэте. Песни и романсы» (М., «Студия», 2010, издатель, составитель и редактор А.Н. Васин-Макаров, подготовил материалы и ряд комментариев Ф. Романов).

Передреев активно переводил. Он перевёл на русский язык более сорока поэтов (из Прибалтики, Средней Азии, с Кавказа), у иных переведено по две-три книжки. Разве это не колоссальный труд?!

Его переводы обладают всеми достоинствами авторских текстов и потому, что, как уверяет его брат Борис, Анатолий никогда не брался за перевод заведомо слабого поэта (отказывал жёстко) и никогда не переводил тех стихов, которые ему были не близки. Давно пора изъять из разновременных сборников переводов стихи нашего русского поэта и представить перед российскими читателями.

Азербайджанец Наби Хазри за сборник стихов в переводах Передреева получил Ленинскую премию. Советским руководителям не приходило в голову, что самому поэту Анатолию Передрееву можно дать такую премию за его собственные стихи. «Наградам не подвержен, – так с горьковатой бра-

вадой шутил на свой счёт Анатолий Передреев. Лишь читатели вознаграждали его беззаветной искренней любовью.

Анатолий Передреев, со всей серьёзностью и честностью его натуры, стал размышлять над трудами других поэтов. Он думал об образном строе их стиха, композиционных ходах, о подтексте, о слове, ритме. Проникался пластикой иного лиризма: у прибалтийских поэтов лирика была с философским холодным уклоном, у кавказских – полна любви и нег, порой тяготела к афористичности. Ему интересно было узнавать, о чём думают и как пишут другие. Он «вкопался» в эту почву и трудился, словно крестьянин на пашне.

Его переводы: Э. Межелайтис «Карусель» (с литов., 1968); М. Мамакаев «И камни говорят» (с чечен., 1968); «Земля Мартана» (1971). «С человеком по земле» 91976); Ш. Цвижба «Сказочный поезд» (с абхаз., 1969); А. Григулис «Осенний дождь» (с латыш., 1969); Х. Ширипов поэт-песенник, создавший повесть в стихах «Всё тот же я» (с узб., 1970); Д. Новруз «Простые истины» (с азерб., 1972), «Дар судьбы» (1977), «У Земли-планеты» (1982); А. Чиботару «Ступени» (с молд., 1977); А. Кодзати «Яблоко Нартов» (с осет., 1974); А. Мухаммад¹ «Голоса жизни» (с узб., 1975); Наби Хазри «Русло времени» (с азерб., 1976), «Признания веку» (1979), «Море со мной» (1983); Н. Нарзуллаев «Добрый свет» (с узб., 1977); кроме того, перевёл Д. Яндиева, С. Чахкаева, И. Тошхоева (с ингуш.); Б. Вагаб-заде (с азерб.); М. Ласуриа (с абхаз.); Ф. Халваши (груз.); Х. Дзаболты (с осет.), чеченских поэтов Р. Ахматову, Н. Музаева, З. Муталибова, Х. Осмиева, М. Салаева, Х. Эдилова, Ф. Абдуразанова и других. Всего из Азербайджана, Абхазии, Белоруссии, Ингушетии, Латвии, Литвы, Молдавии, Осетии, Узбекистана, Украины, Чечни, Чехии, Чувашии перевёл стихи 43 поэтов.

Написал прекрасные стихи о творчестве «Ты, как прежде, проснёшься, поэт...», «Поэту». Он любил литературный труд и думал о нём. Это было не время немоты, а время оттачивания пера, подготовка к новому витку взлёта в поэзии, и сам взлёт, как в переводе из Новруза:

...И счастье я узнал на свете,

¹ А. Мухаммад – одноклассник Передреева по Литинституту.

и муку тяжкую узнал,
и я склонился над строкою.
Я, словно раб, к столу прирос...
И во весь рост
передо мною
встал жизни всей моей вопрос.
И я немедленно ответил
всей кровью сердца моего,
что есть
поэзия на свете,
а больше нету ничего!..

Да он был в это время как раб, но раб поэзии. Его же обвиняли в том, что он в рабстве у национальных поэтов, видя лишь чисто внешние атрибуты рабскости (причём с их стороны), которые не он придумал, они вечны как мир. Однако друзья-поэты не всегда понимали его, «работающего на других», его нерусского окружения чурались.

Он много читал – современных, зарубежных поэтов, классику, Библию. Овладел языком полемики. Терминами литературной критики и теории поэзии; говоря его словами, «победил косноязычье» профессиональное. В полемике был безжалостен к «молодым», нацеленным на злободневность, политизированную поэзию. Критиковал «скорострельный» евшушенковский стиль, иронизируя: «Стало модно впадать в «дух гражданства», который «бродит». Причём иные это делают в состоянии «меньше, чем поэт».

В статье «Читая русских поэтов» предостерегал: «Особенно удивляет меня стремление некоторых... загнипнотизировать себя зарубежными поэтическими именами. Никто не сомневается в пользе знакомства с творчеством Лорки, Рильке, Аполлинера или Артюра Рембо, но щеголять образами в их духе, не усвоив глубоко собственных национальных традиций, – это заведомо обеднять себя». Он стремился разобраться «в опыте больших поэтов», причём в опыте глубоко художественном, постичь пластику, образный ряд, духовное совершенство классиков. Его раздумья над классикой обнаруживают осведомлённость, блещут профессиональным блеском.

В работе, посвящённой Рубцову, – «Мир, отражённый в душе», – он писал: «В сегодняшних сборниках стихов «шум времени» зачастую заглушает поэта. Причём, «осваивая

время», поэт часто принимает техническое чудо за поэтическое... В книге, если только она произведение души поэта, а не просто сгустки слуховой и зрительной информации, должна стоять тишина, подобная тишине глубокой чистой реки, в которой отражается окрестный мир». Он ценил несуетливость в поэзии. Вникал во всевозможные «мелочи», посвятил несколько страниц деталям» в поэзии – всемогущий Бог дедалей».

Сергей Агальцов, редактор книги «Лебедь у дороги», писал: «О стихах Анатолий Передреев мог ярко, неподражаемо, свободно цитируя любимых поэтов, говорить часами – в домашней беседе, по телефону, днём и ночью – когда и где угодно. Его отношение к поэзии было чисто и свято.

Требовательный к себе, к своим стихам, он мог простить другому слабую проходную строчку, не мог простить одного – душевной неискренности, фальши... «Так хочется написать что-нибудь хорошее, – любил он повторять. Дальше его притязания не простирались. По меткому замечанию одного критика, Анатолий Передреев «не написал ничего лишнего».

Предчувствия его под конец жизни обострились. Он писал о любимой дочке Леночке:

Ты ещё моя певунья,
ты ещё моя плясунья,
ты ещё моя, моя,
но уже мне слышен ветер,
что уносит всё на свете
в неизвестные края...

Вот какие аргументы выдавал он в пользу своей неумеренной поэзии! Ни одного междометия против: с ним считались все, кто понимал, что есть поэзия. При этом надо отметить, что предчувствия его в отношении своей любимой доченьки оправдались. Уже после смерти отца она вышла замуж и уехала в Италию, «в неизвестные края»...

Отец поэта умер в 1976 году. После смерти матери в 1979 году Анатолий стал круглым сиротой. Ему было 46 лет. Смерть матери означала и другую, не меньшую утрату – утрату той части родины, где рос и учился, имел друзей. После того, как исчезла деревня «Новый Сокур», – и Грозный стал для него пепелищем, на котором только могилы отца и матери. Ничего не осталось из того, что подпитывало его ду-

шу, что привязывало её к родным корням. Корни были нещадно подрублены. Он остался без родных и без родных просторов, откуда он всё и черпал.

Очень хорошо понял Передреева его друг Станислав Куняев, который в своих воспоминаниях «Поэзия. Судьба. Россия» высказался о стихотворении «Лебедь у дороги»: «Это о себе, о своей замкнутой душе, о попытке жить сосредоточенной жизнью, о своём всё более возрастающем одиночестве в мире, который с каждым годом становился для Передреева всё более чужим и ненужным. О попытке «никого не пускать» в свои «владенья совершенства», окружённые жарким, тяжёлым воздухом жизни, проносящихся машин, ревушей дорогой... Мысль о невозможности вжиться в этот мир... перетекает из одного стихотворения в другое. Он поистине всё чаще сам ощущает себя беззащитным существом, вроде «лебедя у дороги».

В сентябре 1985 года в составе писательской организации Анатолий Константинович участвовал в открытии памятника Николаю Рубцову в Тотьме. На вечере памяти Н. Рубцова в ЦДЛ в 1986 году он рассказывал историю создания стихотворения «Звезда полей», идею которого Передреев подсказал Рубцову. Передреев был щедр, особенно в отношении своих любимых друзей.

Анатолий Передреев умер 18 ноября 1987 года от инфаркта в Москве в собственной квартире. 30 дней он не дождался до 55-летия. Похоронен на Востряковском кладбище.

Ещё раньше он с горестью вписал свои предчувствия в перевод Новруза:

Сердечники умирают...
Вот только что был
и – нет...
Внезапно
мир покидают...
Всё чаще в расцвете лет...

Если вам надо «почистить» душу, разъедаемую современными противоречиями, одичавшую от дебилизма телевидения и агрессивности кино, – читайте стихи Анатолия Передреева, лечащий нас своей мягкой, светлой энергией, говоря его словами, полные «прозрачной высоты».

Тамара Кайль

г. Саратов

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ!

Сегодня особенно тревожит вопрос о непонятно кем «толкаемой» очередной реформе русского языка. А застрельщиком в этом порочном начинании был, к сожалению, наш любитель реформ царь Пётр I. Годы своего правления он прославил реформами и нововведениями, многие из которых непоправимо сокрушили традиционный уклад жизни русского человека. Уничтожение русского костюма, уникальных архангельских кочей, бороздивших северные моря – всё это тема отдельного разговора.

Но в результате утверждённого им в 1710 году образца новой азбуки светские и церковные книги стали печатать разными шрифтами, что положило начало разрушению единства духовной жизни русского человека.

В новой азбуке были исключены некоторые буквы, которые сочли «лишними», «силы» (знаки ударения), «титлы» (знаки сокращения). Буквенное изображение цифр заменено на арабские цифры.

Вторая реформа русского языка грянула в 1917 году. Академией наук было утверждено «Постановление совещания по вопросу об упрощении русского правописания», а Министерство просвещения предложило ввести реформированную азбуку и орфографию в школах.

В 1918 году М. Покровский и В. Бонч-Бруневич «в целях облегчения (!) широким массам усвоения русской грамоты и освобождения школы от непроизводительного труда при изучении правописания (!)...» подписали «Декрет о введении новой орфографии», 11 пунктов которого «добили» уже израненную азбуку.

Писатель и педагог Людмила Ахременко утверждает, что вторая реформа, как и первая, «прервала связь времён». В результате новой орфографии менялся мелодический строй русского языка. Для примера достаточно представить, с каким скепсисом будут сегодня слушать молодёжь слова из песни «гимназистки румяныя, от мороза чуть пьяныя»... К со-

жалению, механизм разрушения языка, запущенный реформами, приводит к необратимым процессам, результаты которых ещё впереди, а тем временем...

«Тихо и неумолимо, как инфекция гриппа» (Л. Ахременко) надвигается очередная реформа русского языка. Силами каких-то таинственных учреждений, без широкого обсуждения, но, конечно же, «в целях облегчения усвоения». Для кого? Видимо, для тех недоучек, которые ленятся запоминать правила. А остальные, как всегда, должны равняться на худших.

Язык народа живёт вместе с народом, с народом «болеет» и с народом... погибает. Не в этом ли причина периодического подпиливания наших корней? Почему так стоически берегут свои иероглифы долгожители-японцы? Почему процветающие англичане не желают заменить свои двадцать восемь времён английского языка не меньшее количество? Почему им не лень проставлять свои «титлы» и «силы», а нам русское правописание всё «облегчают» и «облегчают», заботливо избавляя от «непроизводительного труда»?

Реформаторы «третьего созыва» мотивируют свои порывы заботой о школьниках. Мол, трудно усваивается русский язык. Да, им действительно труднее, чем нам, старшему поколению, ведь мы ещё читали книги. И одного этого было вполне достаточно, чтобы ненавязчиво, в процессе чтения, постигать тайны русского слова. Правила можно было зубрить не так рьяно. Но дети теперь воспитываются телеэкраном, где всё меньше и меньше звучит это русское слово. Однако, разве это основание для того, чтобы вновь препарировать нашу орфографию?

Представим, что хирург отрезает нарывающий палец, для «облегчения» страданий больного. А путешественник выбирает свой рюкзак с провиантом, для «облегчения» ноши. Примеры кажутся абсурдными. Палец пациент пожелает «непроизводительно» полечить, рюкзак турист согласится «непроизводительно» потаскать. Ради себя самого же.

Но разница в том, что дети не могут осознать степень полезности для них «непроизводительного труда» познания русского слова, а «трогательная» забота взрослых дядей и тётей-реформаторов навсегда лишит их такой возможности. А главное – они не поймут, чего их лишили. Ведь пациент

был лишён пальца, а турист завтрака – материально, и эти потери, как говорят, «налицо». Но ущерб нашим детям будет неизмерим не материально, а духовно. Это более серьёзно, но менее заметно.

Язык неразрывно связан с мышлением. Язык – средство хранения и передачи информации, средство управления человеческим поведением. Чем примитивнее язык – тем примитивнее мышлением.

Вызывает тревогу то, что судьбу русского языка – быть или не быть реформе – будут решать депутаты Госдумы, многие из которых, простите за дерзость, более всех других заинтересованы в его облегчении. Среди людей, профессионально занимающихся русским языком, нет тех, кто поддержал бы реформу. Ведь они как раз осознают её последствия. А дилетанты-реформаторы утверждают, что орфография – лишь форма языка, не связанная с содержанием. Однако, это противоречит закону диалектики о единстве формы и содержания. Как бы изысканно ни оделась уличная проститутка, её не пустят в приличное заведение. Нечто исходящее «изнутри», а именно её «содержание» непременно выдаст её. И.А. Бунин отказывался говорить послереформенным языком, называя его «языком прислуги».

Упрощение языка – это разрыв внутренних исторических связей. Именно его сложность и многогранность позволяют точно выразить самую суть сложной мысли.

Русские люди отличались своей немногословностью именно потому, что хватало лишь одной ёмкой фразы и недвусмысленного взгляда, чтобы передать мысль собеседнику. Но чем больше «обрезают» русский язык, тем больше приходится изощряться в многословии, чтобы правильно сформулировать и донести до собеседника свою идею, свою мысль.

Обратимся вновь к примеру. Известная фраза «миру – мир» после реформы имеет смысла не больше, чем кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево. Но когда одно из слов «мир» писалось с буквой «и», а другое – с «і», то смысл фразы был короток и предельно ясен. Людям мирским – духовное восхождение (мір вселенский). А теперь обратите внимание, какая произошла подмена смысла в нынешнем написании.

Примерно так: удел мирских людей – мирская суета, без всякой надежды духовно возвыситься.

Мы не имеем права реформировать наш язык, ибо в ответе за это, как правило, те, кто не ведает, что творит. Русский язык – исторический и культурный памятник нашего народа, поэтому он должен иметь такую же «охранную грамоту», как исторические здания, сооружения, скульптурные монументы.

Облик слова имеет глубокое сакральное значение, наряду с религией и формой государственного устройства он определяет систему жизненных координат человека, и нет таких причин, которые бы побудили к его упрощению. Не говоря уже о том, каких материальных затрат потребует эта очередная реформа: миллионы учебников, словарей превратятся в ненужную макулатуру и миллиарды рублей будут истрачены на издание новых.

Неужели все эти жертвы ради той кучки недоучек?

Валентина Суханова

г. Ртищево

СЛОВО О КРИТИКЕ АЛЕКСАНДРЕ БАЖЕНОВОЙ

«...я знала и щедрую благодать родины, родной природы, отеческого, или, вернее, материнского края, так как родиной своей фактически считала не место, где родилась, а места, где прошло детство, и где затем (поблизости) я прожила все свои шестьдесят лет, – родину предков моей мамы. Это степной «пяточок» земель на левобережье Волги: село Шумейка (на левом рукаве Волги Ерикe, впадающем в Колдубань)...

В детстве, когда слова для выражения благодати родины ещё не родились, как точно выразился поэт Г. Ступин, «Ещё, как степь, душа дика...» была, – восторженность души уже присутствовала, притяжение земли действовало безмолвно и мощно. Большую часть времени суток проводила с другими детьми на природе. Небо сквозь невесомый воздушный хрусталь смотрело прямо на меня своим загадочным бездонным оком днём, а ночью – тысячеокой тьмой, и видело всю мою жизнь до пульсирующих жил. Передо мною было мироздание великое, вечность могучая, безграничная тайна природы. В солнечной тиши НЕЧТО из этого ряда незаметно перемогало немоту души. Под таким неусыпным Божьим надзором не было смысла как-то лукавить в жизни и ловчить».

Это строки из книги Александры Баженовой «За всё добро расплатимся добром...», названной строкой стихотворения вологодского поэта Николая Рубцова.

Передо мной – хронологический указатель трудов А.И. Баженовой. Писатель, историк, журналист, философ, энциклопедист, искусствовед... И, конечно, поэт.

Даже в таком фундаментальном издании, как «Энциклопедия Саратовского края», написанное ею, можно отличать по взволнованному порыву её души.

Когда я пыталась вникнуть в суть темы книги «Славян родные имена. Словарь исторических родокоренных имён и прозваний славян и руссов за два тысячелетия», подумала, что здесь опечатка: как возможно создать такой труд одному

человеку. Оказалось – не опечатка! Автор «Словаря...» за два десятка лет, проделала титанический труд, работая в архивах, библиотеках, музеях. Собрала, систематизировала, исторически обосновала около двадцати тысяч дохристианских имён!

Иначе – кем быть нам, беспмятным, под небом своей родины?!

«Большая часть моих родственников лежит на тихом уютном кладбище в Шумейке (где и я хотела бы лежать)¹. Тело рода ушло под землю и там оно (та часть его) больше, чем здесь... Недавно, в 2005-м, ушла туда моя мама, которая (вместе со своими близкими), олицетворяла для меня генетическую связь родины, родни, памяти, вечности, космоса между собой. В. Распутин писал, что когда у человека уходит мать, он вдруг оказывается на краю бездонной пропасти, которую раньше не замечал (мать заслоняла собой пропасть). После смерти мамы я остро ощутила вдруг эту пропасть.

И после смерти мамы я бываю в райских местах своего (и её) детства, гуляю в родных пространствах Великой Степи, она касается моего лица невидимой своей рукой, наполняет неоскудевающей силой душу. Я понимаю, хотя мамы нет, но опора (моя почва) в родной точке земли всё же есть. Терапия, благодать родных полей, лесов, рек нам так же нужна, как и родительская любовь, а память о шуме листвы и плеске волн в наших генах так же укоренена, как и генетическая память рода. Земля – мой щит, защита».

Это слова Александры Баженовой из той же книги.

Удивляюсь тысячам публикации Александры Ивановны в периодической печати, а ведь она ещё и мать, бабушка, была дочерью, женой. И друг, как говорят её близкие, верный.

«...творческая и исследовательская работа включает в себе много добра, благодати. Радует сам процесс, не только публикация новых книг, хотя труд предпринимается именно для результата... Возможна часть этого добра заложили мои предки, часть – учителя...»

Это тоже отрывок из вышеуказанной книги.

¹ 8 сентября 2013 года она и была похоронена там, где хотела.

И ещё факт биографии Александры Ивановны известный, думаю, всему читающему обществу. Из статьи Председателя правления саратовского отделения Международного фонда славянской письменности и культуры Тамары Кайль «Первый праздник славянской письменности в Саратове»: «В 1993 году Александра Ивановна приняла мужественное решение: в 1994 году впервые провести Праздник славянской письменности и культуры в Саратове. Мы встретили такое смелое решение со снисходительными улыбками. Была сделана отчаянная попытка найти деньги, но все наши походы с письмами в «солидные» организации, к «солидным» предпринимателям не имели успеха.

Однако 24 мая 1994 года праздник, посвящённый памяти славянский просветителей Кирилла и Мефодия, состоялся. Никто не учёл несокрушимой энергии нашего председателя, подкреплённой её желанием и решительностью.

...навсегда 24 мая 1994 года должно быть занесено в летопись Саратовского края как дата первого праздника славянской письменности и культуры, прошедшего в нашем городе благодаря неутомимому энтузиазму всего лишь одной саратовской писательницы, патриота и истинного бойца культурного фронта Александры Ивановны Баженовой».

В книге «Звёздный влёт русской культуры» Александра Баженова, обращаясь к творчеству Валентина Распутина, пишет: «У Валентина Григорьевича Распутина есть завидное умение ограничить себя от туристического охвата ширей и далее, он идёт не в ширь, а в патриархальную глубь психологии русских, исследует коренные связи человека с нравственными устоями своих предков, при этом оставаясь современным, работая на самом современном и актуальном материале».

Думаю, эти слова можно отнести к творчеству самой Александры Баженовой.

Елена Умнова
с. Елань Ртищевского района

**«ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ,
ДОМ, ЧТО СТАЛ РОДНЫМ...»**

**Вон то село, над коим выются тучи,
Оно село родимое и есть...
*Николай Рубцов***

Пролетели быстро годы обученья, и вот пришла пора распределения в конце пятого курса. Декан филфака – монументальная гранд-дама Светлана Александровна Бах – когда-то ещё перед вступительными экзаменами словно напророчила: «Неужели вы хотите стать сельской учительницей?» И теперь на самом распределении в кабинете ректора госуниверситета декан представляла своих выпускников большой комиссии. А перед началом мероприятия она проходила по коридору центрального корпуса среди множества солидных руководителей-мужчин горделивая и важная, исполненная чувства собственного достоинства, элегантно одетая, с высокой причёской, и все мужчины расступались перед ней, поворачивались ей навстречу, раскланивались даже с подобострастием. А она шествовала величественно, едва их замечая, вся такая видная и грандиозная, наверное, так проходила среди придворных в свою бытность сама Екатерина Вторая. Никогда больше не приходилось видеть такого победительного шествия женщин среди мужчин, такого мужского уважения и преклонения перед «её величеством женщиной».

На распределении декан представила меня и сопроводила такой характеристикой: «Обладает организаторскими способностями, может работать руководителем». Когда-то декан была в нашей группе на Ленинском зачёте в мою бытность комсоргом, и это, вероятно, оставило у неё хорошее впечатление. А может быть, ей запомнилось, как я стремилась перевестись с одного факультета на другой сама, безо всяких мам и пап. Честно говоря, я этого не ожидала, хотелось услышать другое: «Способная и целеустремлённая», так как эти качества я в себе больше всего ценила.

Из многих знакомых по годам учёбы лишь немногие стали сельскими учителями, большинство смогли устроиться в городе. В деревню уехали лишь единицы, кому некуда было деваться, у кого никакой поддержки не было. А некоторые отработали положенные три года и вернулись в родной город, где всё-таки больше выбора для устройства на работу и для устройства личной жизни. Конечно, мне не хотелось ехать из родного города, из родительского дома куда-то на чужую сторону и к чужим людям, я уже и место работы себе нашла в одной из новых школ Энгельса, уже встретила с директором, который произвёл на меня самое благоприятное впечатление своей простотой и человечностью. Директор сказал мне: «Поезжайте срочно в Ртищево за своим открепительным талоном, передавайте привет моему другу и однокурснику заведующему району Степанову, скажите, что мне очень нужен филолог. Срочно езжайте в Ртищево: одна нога здесь, другая там» Окрылённая надеждой, я поехала в Ртищево отпрашиваться, но не тут-то было: Степанов тоже был простой и человечный, тоже привет передал, но у него был свой интерес, так как несколько школ района нуждались в молодых специалистах. У меня было указано конкретное село: Владыкино, и мне пришлось поехать туда.

Директором была хорошая женщина предпенсионного возраста, спокойная и мудрая. Она поведала, где мне нашли квартиру: в старом домике у одной бабушке. Вот и домик, где мне суждено жить теперь, вои и сельская улица, забор, калитка, и такая тоска меня взяла, такие грустные мысли появились: «Неужели мне суждено погубить свою молодость здесь...» Так стало жаль себя, так жалко родного дома в Энгельсе. Ещё ужаснее стало, когда я оказалась в маленьком домике, состоящем из кухни и зала. В зале работал телевизор: шум, грохот и полосы-полосы. Сердце моё сжалось от увиденного. Тусклая лампочка висела почему-то над шифоньером, стоявшем у стенки, две кровати, стулья, а стола нет. «Где же я буллу уроки готовить, тетради проверять?» – с огорчением подумала я. Бабушка, словно читая мои мысли сказала, показывая на стол в кухне: «Зимой к меня зять-тракторист из соседнего села часто ночует, тут вот они с мужиками выпивают». «Какой ужас, куда я попала, как мне тут

жить и работать?» – пронеслись безрадостные мысли в голове. Вспомнился студенческий фольклор:

«Вот моя деревня, дом, что стал родным.

Я навек простилась с шумом городским.

Ивушка зелёная, я теперь учёная.

Ты скажи, скажи, не тая, зачем же училась я?»

Утром бодро сделала зарядку, умылась, причесалась, позавтракала и смело пошла в школу. Школа была одноэтажная, в учительской пожилая учительница-завуч говорит мне: «Вы знаете, мы вас ждали, а тут прислали нового председателя колхоза, а у него жена учительница, мы её уговорили на ваше место, она согласилась. Вы, конечно, вправе потребовать... Вот она вечером приходила со слезами, узнала, что вы приехали...

Услышав радостную весть, я буквально просияла от счастья. Я и уже предвкушала, как вернусь домой в город. «Я рада, что вам не нужна, что место занято. Спасибо за хорошую новость! Всё будет хорошо, я вернусь домой!» – пела моя душа от радости. Готовая лететь на крыльях надежды, пошла собираться.

Директор школы с мужем ехала в районо на машине и заодно захватила меня. И вот я опять в районо в кабинете Степанова, где собираются другие директора. Какие это были простые люди: никакого высокомерия, никакого зазнайства или чванства! Степанов спокойно выслушал новость о том, что во Владыкине во мне не нуждаются, и сказал: «А вы мне очень нужны: у нас в районе четыре школы без филолога. Выбирайте: Еланская, Ульяновская, Александровская, Малиновская. Я вам советую Елань, это цивилизация. Везде нужны учителя русского языка и литературы, но в Елань особенно нужно: там вакансии двадцать семь часов, полторы ставки». Так решилась моя судьба, и я попала в Елань.

Я узнала, как добраться до Елани, и на вокзале села в автобус, который уже был битком набит народом. Тесно, яблоку негде упасть. Едем по грунтовой дороге, посадки вдоль дороги, вдали дома. Спрашиваю про Елань. «Да, здесь выходите». Выхожу одна-одинёшенька. Иду по просёлочной дороге, вечер, прохладно, высокие деревья растут на кладбище, жутко. У меня чемодан, портфель и сумка, таскаю по очереди то одно, то другое. Вдруг навстречу выбегает огро-

мная свинья, я свиней видела только в кино да на картинках. А тут живая и такая большущая. Испугалась, конечно, закричала. Вышел на мой крик на дорогу какой-то дядя. Оказалось, что это дежурный колхозной пожарной. Сказала ему, что ищу школу. Он проводил до школы, где меня встретила учительница, которая угостила ужином, оставила ночевать у себя и сказала: «Завтра утром в школе всё выясните: какие классы будете учить и где будете жить». Утро вечера мудренее – утверждает народная мудрость. И утром стало всё известно... В Елани мне почему-то сразу понравилось, всё пришлось по душе: и школа новая двухэтажная, и деревья вокруг школы, и учителя, многие из которых были молоды. А самое главное – сразу же нашлась общительная предприимчивая подруга, тоже выпускница СГУ, учитель географии, тоже молодой специалист, которую завали Ниной.

Елань в ту пору была самым большим селом в районе, а колхоз «Заветы Ильича» – самое передовое и богатое многоотраслевое хозяйство. Бывшего председателя колхоза, участника Великой Отечественной войны, Тронина Василия Фёдоровича, мне видеть не пришлось, но много хорошего довелось услышать. Хороший хозяйственник, мудрый руководитель, умевший найти подход к каждому человеку, где шуткой, а где и строгостью нацеливал людей на трудовую деятельность, налаживал разрушенное войной. При нём многое было создано для блага людей: построены новые фермы, возведена новая школа на средства колхоза, поставлен памятник Герою Советского Союза Хиркову Степану Игнатьевичу, построены Дом культуры, почта со сберкассой, детский сад, баня и комбинат бытового обслуживания. Жена Тронина, Людмила Валентиновна, немало лет была директором школы. «Наша школа тогда была храмом науки, все районные мероприятия проводились в ней», – говорили учителя.

Потом председателем колхоза был Трушин Юрий Васильевич, крепкий хозяйственник, строгий и рачительный. При нём много было сделано для улучшения условий личной жизни и трудовой деятельности колхозников: построены новые дома для колхозников и специалистов не только сельского хозяйства. Успешно функционировал маслозавод, было свиноводство и несколько стад крупного и мелкого рогатого

скота, выращивали на полях зерновые культуры: рожь, ячмень, пшеницу, просо, гречиху, подсолнечник и сахарную свеклу. Все работали, все были нужны. «Бешеная Елань, – нередко так в шутку жители называли себя, и рассказывали: – Как только кто-то картошку начал сажать или копать, так и все другие наперегонки. Если кто-то что-то важное купил, так и все другие спешат доказать, что не хуже. Елань – богатое село, здесь стыдятся жить бедно. У нас даже дворы не под соломой, как в других местах, а под шифером или железом».

Говорят, что жило тут несколько десятилетий назад более шести тысяч человек, потом население стало убавляться, молодые стремились по городам разъехаться в поисках лучшей доли и лёгкой жизни. В конце семидесятых годов, когда мне суждено было попасть в Елань, считалось, что жителей было более шестисот человек, а в школе училось сто двадцать учеников.

Самым большим классом в ту пору был восьмой: двадцать с лишним человек, в самом маленьком, четвёртом, училось только восемь. Так что мне доверили учить русскому языку и литературе пятый, шестой, десятый и этот четвёртый, с которым были очень хорошие отношения, дружеские, братское, без скандалов и обид. На первый урок припасла грамзапись знаменитой «Радио-няни» с песнями-шутками и смешными сценками о пользе учения, о культуре поведения. Дети вели себя идеально, лучшего и желать было нельзя, это были благодарные ученики, они впитывали как губка всё самое лучшее, и никаких претензий и капризов никогда не было.

Так что скучать в Елани было некогда: интересная работа, когда летишь утром в школу как на крыльях, столько энтузиазма и желания что-то новое придумать для уроков и внеклассной работы, тем более, что класс выпускной, такой хорошей, много сильных учащихся, активных общественников

С подругой Ниной мы часто ходили в клуб. Он был большой, высокие потолки и стены с лепниной, просторный зрительный зал в пору городскому кинотеатру, просторное фойе, где проходили праздники и устраивались танцы. В клуб тогда ходили почти все: молодёжи было много, взрослые, семейные, солидные люди, даже многие пенсионеры, порой не было свободных мест. А в праздники устраивались различные

игры и концерты художественной самодеятельности под руководством заведующего клубом, прекрасного организатора, замечательного художника-самоучки Слепова Василия Петровича. Песни, танцы, сценки, хор, КВН – всё было интересно, порой такие номера откалывали, что смеялись до слёз.

Человек живёт не только для работы, для быта, не только для хлеба насущного, но и душа требует своё – радости и счастья. Кто-то находит счастье в танце, кто-то в песне душу изливает, кому-то очень идёт стихи декламировать так, что не у каждого заслуженного артиста получится, а кому-то так идёт в сценках участвовать, что смеются зрители до слёз над смешными эпизодами. Временами на гастроли соседние артисты приезжают, у них свои нюансы, своя изюминка – интересно посмотреть и сравнить. Ещё в старом клубе, помнится, были гости с концертом из Ульяновского, а рядом сидела немалого роста и дородства бабушка-старушка и всё представление восхищалась своеобразно и громко на весь зал: «Не зря я рублю заплатила!» В старом клубе кино демонстрировали каждый день, а ещё раньше, как говорят старожилы, по два и по три сеанса проводили: так много было жителей в Елани, что всем желающим посмотреть кино места в клубе не хватало.

В библиотеке при клубе работала жена Слепова, Тамара Николаевна, красивая и статная женщина, любительница поговорить и убедить выбрать интересную книгу. В библиотеку многие ходили не только за книгами, но и из-за общения, которое могло длиться часами, ведь в мире столько интересно, столько книг и журналов выписывалось, а по телевизору столько всего показывали...

На проводах в армию гуляло полсела: девчата-старшеклассницы наяривали такие задорные частушки, каких в городе не услышишь, когда плясали всем скопом любимую «Барыню». В Елани живы были многие традиции: любили работать, любили и повеселиться от души. Любили жить в достатке, не хотели ударить в грязь лицом, и поэтому в домах обстановка была хорошая, покрывала красивые, шторы на дверях и на окнах богатые, ковры, пасы, мебель. Когда мода пошла на стенки, на антенны-тарелки и на компьютеры, на машины и скутеры, то дух соревнования получил весьма ши-

рокое распространение: никто не хотел отставать и быть хуже других. Поэтому и праздники были с размахом: с музыкой, с плясками и танцами, с песнями, с угощением таким, что столы ломились от разных закусок. Особенно любили готовить деревенские котлеты, где мяса было много, не как в городе, где хлеба кладут больше, чем мяса. Кроме котлет, обязательно блинчики с фаршем или луком с яйцами, курятина или утятина варёная или тушёная. А уж любимая всеми картошка – не только «пионеров идеал» – обязательно пюре и сдобренное даже сверх меры сметаной. А уж о прочих закусках и говорить нечего: рыба солёная, копчёная, жареная, колбаса копчёная и варёная, сардельки или сосиски к пюре, голубцы или перец, фаршированный мясом с рисом, сыр голландский, сыр колбасный, пельмени или вареники со сметаной, пироги или пирожки, или облитые сметаной оладушки. Очень любили привозной из Сердобска лимонад «Тархун» красивого зелёного цвета и изумительного вкуса.

В летний трудовой лагерь, располагавшийся когда-то в колхозном саду, привозили для школьников от родного колхоза «Заветы Ильича» всякие и разные вкусности: и пирожные, и «Тархун», и клубнику. Ведь колхоз был богатый и для своих детей денег не жалел.

Детям было интересно жить в изукрашенных фанерных домиках, больше похожих на театральные декорации, среди фруктовых деревьев и высоких кустов смородины: вечерами гремела музыка в походно-полевой, покрытой брезентом и расположенной рядом, столовой, разносится по всему большому саду благодаря громкоговорителю. Молодёжь отдыхала после трудового дня и даже домой не рвалась, пусть даже родной дом был в нескольких шагах от сада на Сычёвке. В столовой философствуют завуч Глухов Виктор Петрович и учитель музыки, музыкант-виртуоз, самоучка, Жулёв Виктор Гаврилович. Речь идёт о жизни как таковой. «Вот ведь что интересно: живёшь и не знаешь, что ждёт тебя завтра...» – «Да, конечно, именно это и заманчиво...» А мы с Ниной уже отдежурили, прощаемся с коллегами и собираемся домой. Уже вечер, скоро будет смеркаться, надо ещё успеть пройти через луг, овраг и лесок до просёлочной дороги...

(Продолжение следует)

Евгений Саблин

г. Саратов

ГУБИТЕЛЬНЫЙ РОК СБЛИЖЕНИЯ СЕРДЕЦ

Статья Станислава Куняева «В борьбе неравной двух сердец», опубликованная в журнале «Наш современник», наводит на некоторые размышления. Мысли приходят неведомые. Людмила Дербина, погубившая светлого лучезарного поэта Никола Рубцова, отбывшая наказание за убийство, тоже поэт. Но совсем другого рода. Исследователь убедительно проиллюстрировал её строки, выдающие автора стихов, как выразительницу тёмных сил, необузданных страстей, суровую хищную натуру. Но не дождалась от неё мучительного раскаяния, мольбы о снятии груза с души. Ничего подобного. Роковая женщина накопила много обид на людей. В статьях и личной переписке она обвиняет кого угодно, но не себя, выступая в роли невинной оклеветанной жертвы.

Но по мере прочтения многостраничного труда С.Ю. Куняева возникают противоречивые чувства. Не слишком ли расточительно главный редактор использует журнальную площадь? Не потому ли автор приводит столько подробностей из переписки с несостоявшейся женой Николая Рубцова Людмилой Дербиной, что она в своих отповедах оппонентам бросила тень и на него, Станислава Куняева? И, наконец, нужно ли было тиражировать откровения обиженной судьбой женщины в той части, где она хочет вызвать в читательском мире весьма нелестные представления о литераторах, в частности, о Викторе Астафьеве, который стал в России прижизненным классиком?

Отношение к статье в целом менялось по мере углубления в текст её заключительных разделов. Следователи изучают личность граждан, совершивших преступление, мотивы поступков и многое другое. Творческий мир художника, чувственная сторона возвышенного не может вместиться в тома уголовных дел. Не находит она отражения и в приговорах судов. А вот и мнение автора статьи: «Уникальность вологодской трагедии в том, что расследование дела было бы точнее и успешнее, если бы им занимались не милицейские следо-

ватели, а исследователи стихотворных текстов, которые сразу же поняли бы, почему случилось то, что случилось. Они безошибочно установили бы мотивы трагедий».

Статья возродила и мои собственные воспоминания о трагической участи поэтов. Вспомнил я время, когда начинал работать литсотрудником в пугачёвской районной газете «Ленинские заветы». В исправительной колонии строгого режима, куда меня направили, как журналиста, в составе исполкомовской комиссии инспектировать быт осужденных, я познакомился со стихами одного из них. Стихи предназначались для газеты «К новой жизни», распространяемой в зоне. Их пронзительные строки брали за сердце. Поэт выразил душевное состояние своей дочери-первоклассницы, да так, что её страдания полоснули по сердцу. Я растрогался и стал убеждать пришедших со мной, что этот человек не головорез, не убийца, сидит он, конечно же, зря, по чьей-то ошибке. Не может поэт, нежный и тонко чувствующий, уподобиться бандиту.

Начальник отряда грустно заметил:

– Если этот зэк окажется на воле, через день мы узнаем о новых убийствах.

Несколькими годами позже редакционная работа сблизила меня с другим интересным человеком. Володя (не хочу называть фамилию талантливого, но рано ушедшего из жизни поэта) со стихотворными строчками не мучился. Казалось, что они теснятся в груди и сами рвутся на волю. Многие солидные столичные журналы печатали его творения. Никто не сомневался, что Володя станет одним из самых известных и любимых поэтов в стране. Но мало кто знал, что его лирика, сводившая с ума неопытных девушек, толкала парня на преступления. Влюблялся он искренне. И так мог распалить себя и подругу в чувствах, что одни, очарованные божественной чистотой поэтических строк, бросали мужей из-за любви к кумиру, другие сходили с ума, узнав, что возлюбленный поэт-любовник к ним охладел.

Звонок в два часа ночи: «Евгений, поздравь, я женюсь! Попроси на конезаводе для меня тройку белых лошадей. К чёрту машины с куклами».

А на следующий день поэт оказался за решёткой. Восторг любви сменился ослеплением, яростью, свет померк, богиня

обернулась ведьмой, когда вдруг отказалась встречаться. Такая перемена разбудила в парне зверя. Девушку увезла «скорая» с ножевой раной.

Вспоминаются и другие примеры, но вопрос один: что это, раздвоение личности? В поэзии человек один, а в реальной бытовой жизни другой? Выходит, что лучшая в душевном и нравственном отношении половина отдаётся творчеству, а для всего остального человеку остаётся не очень приглядная вторая половина.

Многое объясняют приведённые в статье С.Ю. Куняева выдержки из «Апокалипсиса нового времени» Василия Розанова: «Талант у писателя съедает жизнь его, съедает счастье, съедает всё. Талант – рок, какой-то отяжеляющий рок». И дальше главный редактор и автор статьи в «Нашем современнике» пишет: «Талант съел жизнь Гоголя и Лермонтова, Тютчева и Блока, Есенина и Цветаеву, Рубцова и Юрия Кузнецова». Дальше идёт сомнительное утверждение: «И меньше всего в их судьбах виновато время, государство, общество и прочие внешние силы». Бесспорно, пожалуй, одно – поэт сам себе может быть и судьёй, и палачом. «И не она от нас зависит, а мы зависим от неё, – писал Николай Рубцов о власти поэзии над его собственной душой и судьбой

Вот так постепенно подбираемся к главному вопросу о совместимости гения и злодейства. «Творчество может служить и добру, и злу. Один талант ощущает в себе Божью искру, а другой – вспышки адского пламени, – пишет С.Ю. Куняев, – светлые таланты, как правило, осуждают грешную сторону своей тварной природы, а тёмные восхищаются ею. Пушкин бесстрашно осуждал грешную половину своего «я». «И с отвращением читая жизнь свою, я трепещу и проклинаю». Он впадал в отчаяние, что не может избавиться от искушения лукавого».

Беда, как мне кажется, вот в чём. Светоносный Николай Рубцов мог находить поэтическое очарование и в демонической красоте гениев зла. Вот он, ключ к пониманию трагического события. Рубцовское любовное чувство не могло выдержать столкновения с чувством женщины – тёмным, волевым, ревнивым, эгоистичным, хищным, – заключает автор статьи. Рубцов чуял свою гибель, как и тот поэт, который

бросился на отражённый в пруду свет Венеры, замороженный властью и красотой её губительной природы.

Возможно, статья С.Ю. Куняева и не вышла бы за пределы круга почитателей Николая Рубцова, но есть важное обстоятельство. За 40 лет со дня смерти поэта мир изменился. Печать и ТВ, жадные до сенсации, способны превращать в шоу любую трагедию. Нередко чёрное выдаётся за белое. Вот уже и Людмила Дербина превращается чуть ли не в телезвезду. Отказавшись от роли женщины-рыси (волчицы, кентавра, медведицы и т.д.) забыла все свои покаяния на следствии и суде и примеряет на себя удобную для телеобывателя маску жертвы собственного оговора и оклеветанной женщины. Многомиллионная аудитория телезрителей с её слов и без малейшего возражения телередакторов приняла, так сказать, к сведению, что Рубцов погиб не от её рук, а от инфаркта, а его друзья выместили на бедной женщине эту тяжёлую для них потерю.

Примеров подобного рода, когда в общественное сознание через СМИ вбрасываются неточная информация, а иногда и неприкрытая ложь ради политической выгоды, коммерческих дивидендов или возвеличивания заинтересованных лиц, каждый может назвать множество. Где же фильтр? Цензуры нет, каждый вправе высказывать собственные суждения. Гарантом чистоты информации могла бы стать самооценка пишущих и вещающих. Но с эти пока не всё в порядке.

Отрадно, что общественное сознание всё чаще начинает противиться грубому оболваниванию или корыстолюбивой лести.(...)

Россиянам, пережившим времена культа личности и своеволие местных князьков, претит и вызывает негодование холуйство, лесть, подбострастие, рабское потакание прихотям властных особ. Выздоровливаем понемногу. Истинные поэты, носители добра и чистоты, которых иногда называют озоновым слоем нации, ещё послужат своим Божьим даром нашей многострадальной России.

Александр Дивеев

г. Ртищево

О ДРУГЕ-ПОЭТЕ

На творческих встречах, проводимых Саратовским Рубцовским центром, всегда вспоминаю о своём удивительном друге: и когда читают стихи поэты, и когда награждают лауреатов уже традиционного литературного конкурса. А когда знакомлюсь с произведениями победителей в альманахах – не сомневаюсь: места в них хватило бы и для его стихотворений.

Любителям поэзии имя его незаслуженно малоизвестно. И не потому, что написал немного или его произведения не полюбили читатели. С этим-то как раз всё в порядке. Написано много и на хорошем литературном уровне.

В 2005 году им подготовлены к печати семь книг стихотворений: «А у меня болит душа» – 49 стихов, «Войны не знали мы» – 14, «Избранное» – 81, «Одиночество» – 33, «Оторванный лист» – 55, «Цветень мая» – 50, поэма «Дед» – 36 страниц.

А писал он – от души. Много лет назад прочитал мне стихотворение, в котором утверждал, что:

А у меня болит душа
За каждое событие на свете.

«Ну, ты и загнул», – недоверчиво возразил ему я. Он промолчал.

Евгений Самохин окончил Саратовский ордена «Знак Почёта» экономический институт. По направлению попал в ОБХСС (отдел борьбы с хищениями социалистической собственности). Со временем понял – не его стезя. Но так просто из этой организации не увольняли. Пришлось, по советам знающих людей, «запить».

Работал экономистом в ряде организаций. Вступил в ряды Коммунистической Партии Советского Союза. Не для карьеры, – верил в светлые идеалы. В райкоме КПСС работал инструктором, заведующим сельхозотделом. Человека думающего, умеющего аргументировано отстаивать свои взгляды, – «наверху» заметили и предложили должность в областном

комитете КПСС. Другим такое и не снилось. Он же – не согласился.

Нутром осознал, что всё в партии идёт наперекосяк. Однажды отказался получать заработную плату, дескать, не заработал. Вот переполоху-то было! А позже и совсем написал заявление о выходе из партии. Что ж, исключили. Голосовали, как всегда, единогласно все товарищи бюро районного комитета КПСС, которым он поголовно писал превосходные доклады к пленумам, партийным активам и другим судьбоносным мероприятиям. А в кулуарах, как бы оправдываясь, шептались: «Ну, что поделаешь, у него же обострённое чувство справедливости».

А вскоре свершилось и нострадамусовское предсказание: не стало союза нерушимого. Но никому чувство самосохранения не позволило снять красный флаг со здания РК КПСС. Роль эту исполнил он. Нашёл длинную старенькую деревянную лестницу и полез, неуклюжий и грузный, как самоучка-целитель, к алой, кровоточащей ране нашего времени...

Перу его принадлежат и прозаические произведения: повесть «...Не судимы будете», написанная в 1991 году, 115 страниц; романтическая повесть «Год спокойного солнца», – 1995 год, 137 страниц; «Жизнеописание прихопёрской деревни», 2005 год. Нельзя не заметить, что проза написана не просто мастером слова, но и поэтом. Лирично подано в «Жизнеописании...» путешествие трёх друзей в загадочные места, куда, входя в беспокойную юношескую пору, устремлялись они на велосипедах открывать неведомые земли, на встречу с чем-то далёким и прекрасным...

Здесь же он вспоминает и далёкую пору моих с ним кухонных посиделок, когда мы нестройными, но чувственными голосами пели на придуманный мною мотив «Деревенские ночи» Н. Рубцова:

Всё люблю без памяти
В деревенском стане я,
Будоражат сердце мне
В сумерках полей
Крики перепёлок,
Дальних звёзд мерцание,
Ржание стреноженных
Молодых коней...

Замечательно, задушевно он читал стихи свои и любимых поэтов, особенно Николая Рубцова. Завораживал, выворачивал душу.

Вместе с автором этих строк подготовил и издал первый сборник стихов местных поэтов «Цветы и пепел». Как радовался выходу сборника!

Любителям поэзии имя его малоизвестно. Но я верю в будущее творчества поэта. Пусть через годы. С настоящим, а не конъюнктурным, в России такое происходит. И, наверное, совсем не случайно в стихотворении «Исповедь» им написано:

Меня отверг ты, человек,
Пошёл своим путём.
Я не виню тебя... Мой век
Придёт к тебе потом.

Такова уж судьба поэта.

И часто вспоминаются несправедливо не воспринятые мною когда-то простые строки: «А у меня болит душа / За каждое событие на свете...», когда стою одиноко на погосте, а перед глазами до сих пор неосознанное –

САМОХИН

Евгений Алексеевич

13.12.1949 – 09.08.2005

...А гармонь, под выговаривающие голоса которой с другом поздними вечерами пели песни на стихи любимого поэта, сохнет в старой тумбочке, как рубцовская лодка на речной мели...

PS:

В Перми в 2008 году вышла книга избранных стихов Евгения Самохина «Душа моя подобна кораблю...»

Журнал «Волга-XXI век» № 9-10 за 2011 г. и № 1-2 2012 г. опубликовал «Жизнеописание прихопёрской деревни» Евгения Самохина.

ЛИТЕРАТУРО- ВЕДЕНИЕ

Валерий Савин
г. Петровск

О ДЕФОРМАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ М. ЛЕРМОНТОВА

Исследуя рукопись поэта, трудно порою прочитать то или иное слово из-за неразборчивости буквы, и тут, понятно, возможны ошибки в правильности прочтения. Но, не понятно, зачем изменять слово, если оно написано чётко и имеет единственное прочтение?

В 1841 году незадолго до гибели поэт создал стихотворение «Отчизна», которое во всех доступных автору изданиях озаглавлено «Родина». Между прочим, Лермонтов чётко разграничивает эти два понятия. Отчизна – страна, которой он принадлежит, гражданином которой он является и ради которой готов на самопожертвование. (...)

Родина для поэта – место, где он родился. Убедительно и торжественно звучит его признание: «Москва – моя родина, и всегда ею останется. Там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив».

В отличие от слова «отчизна» слово «родина» имеет множество понятий (страна, край, область, город, село, географическое название) и производных слов от единого корня (род, Род, родня, родич, родство, родословная, родственник, роды, родилка, родильница, родовое имение, родовые пути, родник, «родинка-уродинка» и т.д.) (...)

В подмене заглавия стихотворения просматривается пошленькая укоризна поэту. Дескать, допустил ошибку, но ничего – мы её исправим. А то, что при этом «исправлении» исчезает взаимосвязь между заглавием и содержанием стиха, исправителей не волнует. Если бы поэт вёл речь о родине, то без сомнения сказал бы: «Люблю я родину, но странною любовью»... Но у него: «Люблю отчизну я»...

Во всех изданиях (просмотрено с 1965 года) даётся строка: «Её степей холодное молчанье...» Но у Лермонтова чётко и ясно: «Её полей холодное молчанье...» Лермонтовский вариант – это картина осени, которая не повторяется у поэта, когда как в издательских вариантах картина степи изображена дважды.

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю – за что, не знаю сам –
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям;
Просёлочным путём люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно, изб, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

1841.

В редакциях: «Её лесов безбрежных колыханье...» В рукописи поэта: «Её лесов дремучих колыханье...» Могут ли быть леса «безбрежными», если произрастают на земле? Тут возможен только один вариант, когда леса затоплены, и часть их колышется над поверхностью воды в безмерной дали от берега. Можно сказать: «безбрежное море пшеницы», или – «безбрежное море леса». Но в последнем случае на лес нужно смотреть с высоты птичьего полёта. А перед шагающим по дороге, или перед скачущим в телеге, лес, как правило, предстаёт глухой стеной, глубоко врезанной в землю.

Отгадка

Люблю отгадку я по страстной любвию!
Неповеденье ей разсудок мой.
Ни слава купленная кровью,
Ни полный кардано Добрия покой,
Ни темной стужей заблужден преданья
Ни шельмство болят отравлено мечоманья.

Но я люблю — да кто издала сама?
Се поем колдовской волшебства,
Се шельма Дрему свою колдовства
Разрешит разгад же подобно морщина...

Дроселогимия путями любвию скакант в талест
и, взором видяно пронзал аз шельма,
Восторгамт по оторочкамт бранных о починт
Дрожащая гоня пераилкамт Древушкит,

Люблю Демюше оканяной Жилики,
Во стени кокушчии шельма,
и какалит средь шельмой лики
Есть Шельманская брида.

О шельмаши многих издала
и вину колдовской шельма,
шельму покротую шельмаши,
Се шельманский составилант шельма;
и в шельманский, в шельманский, раскислив,
шельманский до шельманского шельма,
На шельманский шельманский шельманский
шельма шельма шельманский шельманский шельма.

М. Ю. Лермонтов

Автограф стихотворения М. Ю. Лермонтова

Слово «дремучий» означает густой и тёмный, труднопроходимый лес. Слово ассоциируется с понятием «сказочный». Многие русские сказки начинаются «За дремучими лесами, за высокими горами...»

В изданиях: «И, взором медленным пронзая ночи тень...»
У Лермонтова чётко: «И, взором медленно пронзая ночи тень...»

Медленный взор можно встретить у человека на больничной койке. Но как может быть медленный взор у «скачущего в телеге»? У Лермонтова взор быстрый, устремлённый, фиксированный, которым он медленно пронзает тень ночи, чтобы успеть рассмотреть, что она готова скрыть от глаза путника.

Далее в изданиях: «Люблю дымок спалённой жнивы,/ В степи ночующий обоз/ И на холме средь жёлтой нивы/ Чету белеющих берёз». О каком времени суток здесь идёт речь? Опустим первую строку: «дымок» можно и не увидеть в ночное время, но почувствовать его можно в любой час суток, если ветерок дует в лицо. Но как быть с выражением: «В степи ночующий обоз/ И на холме средь жёлтой нивы/ Чету белеющих берёз»?

Если обоз в ночи, то, как его рассмотреть, когда нет освещения, да тем более ещё где-то на холме – «чету белеющих берёз»? даже если горит костёр, то светит он слабо, и разводили бы его в стороне от дороги и уж тем более от обоза. Здесь, между «ночующим обозом» и «четой белеющих берёз» явное временное несоответствие. И если иметь в виду ночное время, то поэт о нём уже сказал выше. Зачем же повторяться?

Но главное – то, что во времена Лермонтова обозы в степи не ночевали. Не ночевали по простой причине: не было воды, чтобы напоить лошадей. А поить нужно было минимум дважды: вечером и утром. В среднем одна лошадь выпивает за раз 20 литров воды. С собою воду не возили, а «тянули» до постоянного двора. У А. Чехова в «Степи» обоз останавливается на дневной отдых у реки, а ночует на постоянном дворе. У А. Пушкина: «Цыгане шумною толпой

По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют».

Знает хабируево племя, что нужно коней поить, да и для личных нужд вода нужна. Дело в том, что у Лермонтова следует читать не «ночующий», а «кочующий». Только с этим словом время события не преломляется, и выступает единая картина светлого дня.

В изданиях: «На пляску с топаньем и свистом/ Под говор пьяных мужичков». Выражение «на пляску с топаньем» алогично. Дело в том, что пляска – вариация топанья. Получается, смотреть на «масло в масле». Нет пляски без топанья! В народном творчестве немало примеров, когда глагол «плясать» заменяется глаголом «топать». (...) Никакого отличия в восприятии события, описано ли оно с употреблением слова «пляска» или «топанье» нет. В данном случае эти два слова – синонимы, а потому ставить их рядом нельзя.

В рукописи Лермонтова читается другое слово – «токаньем», от глагола «токать» – шуметь, стучать, бренчать, хлопать, производить ритмические удары. Слово отмечено великим мужем словесности В.И. Далем, современником М.Ю. Лермонтова.

«На пляску с токаньем и свистом» – этот вариант логичен. Возникает ясная и полная картина пляски в окружении толпы, которая шумит и свистит в такт движений плясуна и звуко-подражает ему, выкрикивая «ток-ток».

Невозможно согласиться с доводом редактора журнала «Тарханский вестник» Л.В. Полукаровой, которая видит непогрешимость публикации стихотворения Лермонтова в том, что оно было опубликовано «при жизни поэта». Лидия Васильевна! Во-первых, точнее сказать не «при жизни», а перед гибелью поэта. Во-вторых, «Тамбовская казначейша» тоже была опубликована А.А. Каревским при жизни поэта, но – какая была негативная реакция Лермонтова на эту публикацию! А вот реакция на публикацию «Родины» неизвестна. Но есть рукопись поэта. Так почему бы не читать стихотворение так, как оно написано самим Лермонтовым? Да и успел ли увидеть публикацию своего стихотворения поэт? Стихотворение «Родина» впервые было опубликовано в журнале «Отечественные записки» в апреле 1841 года (т. XV, № 4). Журнал выходил в первой декаде месяца. Но 11.04. 1841 года Лермонтов был вызван дежурным генералом Главного штаба

П.А. Клейнмихелем, который приказал поэту покинуть Петербург в 48 часов. Начались сборы и проводы. В эти же дни поэт повсюду разыскивает редактора журнала А.А. Каревского, посылает ему записку, но – безуспешно. И невольно возникает вопрос: «А не избегал ли встречи Андрей Александрович с поэтом, опасаясь повторения скандала, что возник после публикации «Казначейши»? Если это так, то одно оправдывает редактора: нежелание травмировать психику поэта перед выездом на Кавказ. Покинул Петербург Лермонтов 14.04.1841 года в 8 часов утра. До гибели поэта оставалось ровно три месяца.

Через полтора столетия автора этих строк стихотворение Лермонтова вдохновило на создание стихотворения «Мой край родной». Была как бы продолжена поэтическая эстафета признания в любви Отчизне. Но идёт время, и продолжающаяся грубая деформация поэзии наших классиков прервёт однажды эту эстафету, ибо продолжать будут нечего. И настанет момент, когда потомки деформаторов поэзии (сознательно или по незнанию) бросят в лицо ослеплённой интеллигенции: «Да разве это поэзия?! На свалку её!» И снесут.

Чтобы этого не случилось, необходимо поэтическое искусство оберегать и хранить так, как хранятся полотна живописи великих мастеров, подвергаясь временами реставрации.

Мир классической поэзии заждался своих мастеров-реставраторов.

ПРОЗА

Александр Свешников
г. Саратов

«МОБИЛЬНЫЙ» РАЗВОД

Я, граждане-товарищи-господа, всегда к законному браку относился с почтением, хотя и считаю, что он, по большому счёту, делается не в ЗАГСе, а на небесах, а, лучше сказать, – в душе брачующихся. Но, видимо, верно и то, что чужая душа (особенно женская) – потёмки, потому как непредсказуема.

Вот и мы с моей благоверной супругой прожили душа в душу 30 лет, детей вынянчили-вырастили и уже, значит, мечтали продолжать «жить долго и счастливо и умереть в один день», как случилось непредвиденное, то есть развод. Правда, к счастью, только как попытка со стороны моей драгоценной жёнушки.

А дело было таким образом. Ночью, слышу, пискнул мой мобильник – смс-ка, значит, пришла. Я думаю: ладно, прочитаю утром. Но не тут-то было: вижу, жена метнулась к моему телефончику. Вообще-то, у нас в семье не принято подглядывать друг другу в телефоны, компьютеры и прочие личные предметы. Я притворился спящим и стал ждать.

Не прошло, кажется, и минуты, как подошла ко мне моя супружница, будит меня и показывает, значит, мне мою смс-ку. А там чёрным по синему: «Папа, срочно положи 500 рублей на...» – и номер какой-то, мне неизвестный и без подписи.

– Так, – сказала супружница, глядя на меня в упор, как тот солдат на насекомое в своей шинели, – колись, значит, когда и где завёл ты посторонних детей при живой законной жене и законных же двух детях мужского пола. Я, значит, отдала тебе и им все лучшие годы своей жизни, а ты...» В общем, и так далее, минут на тридцать.

– Подожди, – прервал я бурный поток моей благоверной. – Может, это наш старший в каком-то ночном клубе поистратился.

– Какой клуб, – вскипела жена, – оба наших потомства дома, спят, как убитые, я только что проверила. Ты колись-ка быстрее про свои левые отношения на стороне, изменщик.

Долго я убеждал свою вторую половину, что всю нашу совместную жизнь не было у меня никаких отношений и

никаких дурных помыслов, а чувства мои к ней до сих пор первозданны, как свежий снег, и никаких левых ходок я не делал.

Всё было напрасно, и я стал готовиться к самому худшему в моей жизни. Наутро жена долго писала какую-то бумагу и потом оделась и ушла. А вечером, когда я пришёл с работы, она мне объявила, что подала на развод. Я было поинтересовался, какую, значит, причину она туда вписала, потому как на тридцать первом году совместной жизни не напишешь «не сошлись характерами».

– Да нет, – сказала жена, – я написала, что, мол, ты, не спросясь меня, использовал своё право сходить налево со всеми вытекающими для меня и нашей совместной жизни обстоятельствами.

Легли мы вечером, конечно, в разных комнатах. Я не спал, думал, как провести свою разведённую жизнь отдельно от своей бывшей половины. И тут вдруг пискнул мобильник моей супруги, который она оставила там, где я спал. Я осторожно встал, открыл смс-ку и прочёл: «Мама, положи срочно 500 рублей на... » Сердце моё зашло в сладких предчувствиях. Я заглянул в комнату, где спали оба наших отпрыска. Убедившись, что они в наличии, зашёл к жене, осторожно разбудил её и показал мобильное письмо. Жена прочитала, посмотрела на меня, поцеловала и ласково сказала:

– Ложись рядом, чудик ты мой.

ПУШКИН, ЗОЛОТАЯ РЫБКА И «ЧЛЕНОВОЗ»

Я, граждане-товарищи-господа, чуть не подпрыгнул от радости, когда узнал о намерении наладить выпуск отечественных «членовозов» (термин советских времён, если кто не знает), то есть автомобилей для очень и не очень больших чиновников (в СССР это были члены Политбюро ЦК КПСС и т.д.) Наконец-то, думаю, лёд тронулся. А то ведь сколько раз предлагали министрам и депутатам то пересесть на «жигули», то на велосипеды, а они, как малые дети, ни гу-гу: катаются себе на «мерседесах» – и всё тут. Да заодно и с патриотизмом наладится, хоть и говорят, что это последнее прибежище негодяев. Только, думаю, на одних машинах нельзя останавливаться. Надо к «своему» возвращаться во всё.

Разволновался я на этот счёт очень. А дело было перед сном, ну меня и сморило. Заснул я, но не так крепко, чтобы сна не увидеть. Вот он ко мне и пришел – в образе «нашего всё», то есть А.С. Пушкина, который мне поведал свою знаменитую Сказку о рыбаке и рыбке, но на иной лад. Я её такой и запомнил и решил рассказать её всем, кто, может быть, со мной согласен, а может, и наоборот.

Итак, жил-был старик со старухой...

Нет, не так. Жил-был новый русский со своей половиной на берегу красивого озера, в одноимённом кооперативе, в большом коттедже, можно сказать – дворце. Дом – полная заграничная чаша: мебель итальянская, отделка – сплошной евроремонт: плитка турецкая, обои английские; стиральная машина итальянская, холодильник шведский, телевизор и другая техника японские, яхта у причала австралийская, авто в гараже (аж два) – мерс и форд. И заметьте, ничего китайского. Жена одевается в самом модном бутике только в заграничное. Дети получают образование в Англии.

А фишка в том, что этот новый русский (назовём его Валентином) был новый русский, так сказать, в прошлом, в лихие 90-е, и кличка у него тогда была криминальная – Валёк. Позанимавшись лет десять рэкетом (так назывался насильственный сбор денег с ларёчников за «крышу» по принципу: если мне не отстегнёшь, то придут другие и возьмут ещё больше) в составе ОПГ (организованной преступной группе),

обзавёлся он на собранные криминальным путём средства прибыльным бизнесом, легализовался и, чтобы его не потерять, стал депутатом от партии власти. За большие деньги, конечно.

То есть стал вчерашний Валёк большим чиновником со всеми вытекающими из этого обстоятельствами и привилегиями. Но в душе оставался простым парнем из городской подворотни и, как это ни может показаться странным, патриотом. И когда он слышал призывы насчёт велосипедов или «жигулей», душа его начинала волноваться патриотическими чувствами, но быстро успокаивалась, и он продолжал ездить на иномарке. И так было каждый раз. Но в последний раз, когда он узнал, что начнётся производство отечественных авто представительского класса, окончательно решил отказаться от всего «не нашего». Правда, толком не знал, как это сделать, а вернее – как решиться это сделать.

И вот пошёл он к синему морю, то есть к своему озеру, и стал кликать золотую рыбку. Приплыла рыбка и спросила:

– Чего тебе надобно, Валёк? Ой, извините, Валентин Семёнович, сорвалось по старой памяти.

– Да вот, – говорит, – надоело видеть вокруг себя всё заморское и иностранное. Сделай так, чтобы было у меня и вообще всё вокруг только наше, посконное русское, а ещё лучше – советское. Я, конечно, человек ещё достаточно молодой, но много слышал, что в СССР всё было хорошо и замечательно.

Золотая рыбка удивилась такому желанию, но вида не подавала.

– А ты хорошо подумал? – спрашивает. – У тебя, между прочим, жена в модный бутик чуть не ежедневно ходит, дети за рубежом образование получают. Недвижимость у тебя где-то на границе Чехии и Германии. Счёт в Швейцарии нехилый. Опять же, бизнес в Испании. Отдыхаешь с любовницей не в Гаграх, а на Мальдивах. Не жалко?

– Да ладно, – говорит депутат, чуть удивившись такой информированности рыбки, – будь что будет. Зато совесть перед народом будет чиста».

– Хорошо, – говорит золотая рыбка, – Ступай себе с Богом. Будет у тебя и у всех опять всё своё, отечественное.

Только не гарантирую, что тебе понравится. И запомни – назад дороги нет.

Сказала это рыбка и скрылась в пучине озёрной. И только она исчезла под водой, как прямо на глазах у хозяина прекрасная шестиметровая яхта превратилась в катер «Прогресс» с подвесным мотором «Вихрь» образца 1965 года. От такой неожиданности Валентин Семёнович оторопел, потому как не ожидал, что вместо его красавицы-яхты увидит рухлядь полувековой давности. «Неужели, – подумал он, – с того времени наша промышленность не удостоилась построить что-нибудь поприличнее?»

Немного отойдя от шока, Валентин Семёнович оглянулся и увидел вместо своего роскошного коттеджа довольно примитивное строение в один этаж с шиферной крышей. А рядом, за покосившимся забором – «запорожец» первой модели, то есть ещё тот, горбатенький.

Долго не решался Валентин Семёнович подойти поближе к дому, а когда всё-таки приблизился, то увидел на пороге ещё довольно молодую на вид женщину со следами усталости на лице и в каком-то странном наряде. И всё-таки он узнал в ней свою супругу. А та, узнав в мужчине, одетом в ватник и болотные сапоги, своего супруга, строго спросила:

– Ну, много наловил рыбы? А то дело к обеду, а жрать нечего.

Ольга Бабрис

г. Саратов

ПТИЦА «ФЕЛИКС»

Был вечер. Трамвая долго не было, и я решила пройти пешком до следующей остановки. Парень невысокого роста, голубыми полуприкрытыми глазами с длинными пушистыми ресницами и нагло-раскрепощенным тоном оборвал мою сосредоточенность на задаче поскорее добраться до дома...

– Девушка, вот вы сейчас переходили дорогу, и вас чуть не сшиб мой друг! Как можно?! А вы, наверное, актриса. Острый глаз и шестое чувство меня ещё никогда не подводили. И в надежде на свою блестящую интуицию, я хочу подарить вам бутылочку лучшего вина в этом городе.

– Спасибо, но я не пью.

– Отчего так?

– Не хочу.

– Ну, хорошо, тогда пусть выпьют ваши друзья за ваш успех, за здоровье. Вас кто-то обидел...

Шепелявая дикция, игриво-надменный взгляд блестящих с поволокою глаз, чрезмерная уверенность в своих действиях стала меня настораживать, но мне было интересно, что будет дальше... Трамвая все ещё не было, и я пошла пешком до остановки.

– Так кто же вас всё-таки посмел обидеть, такую красивую и кроткую?.. – догнал меня знакомый голос. – У вас, наверное, есть родственники, братья, сестры?

– Брат.

– Прекрасно. Не обижает? А то ведь я могу его на мелкие кусочки изрубить, если он не ценит такую сестру. Если бы у меня была такая сестра...

– У меня прекрасный брат, добрый, отзывчивый, любит меня, имеет абсолютно здоровую систему ценностей, и я предпочитаю видеть его целиком, – ответила я ему с похолодевшим ужасом.

– А вас всё же ещё не побил по-настоящему горе... У вас есть мама, папа?

– Они ко мне замечательно относятся.

- А муж у вас есть?
- Был.
- Не обижал? Не то я его катком с асфальтом сравню!
- Поверь, отношения исчерпаны. А мстить, только для того, чтобы потешить свое самолюбие... Неинтересно. Тем более, лежа на асфальте, он об этом никогда не узнает.
- Ну раз вы так категорически не хотите вина, я хотя бы подарю вам шоколадку.
- Привет, Морис. Вот наслаждаюсь обществом редко-прекрасной особы, (голова моего собеседника просунулась в окошко ларька) дай самый лучший шоколад. Пожалуйста, возьмите.
- Спасибо.
- Ну что вы, за что! А вы, по всей видимости, работаете в драме и возвращаетесь с репетиции?
- В этом городе я не актриса.
- Простите, но если есть город, где вы работаете по этой профессии, то он, должно быть, прелестен!
- Этот город – «Мечта». И самое чудесное – что его нет на карте. Да в Сибири я работаю. Я отправила себя в ссылку. Бесшабашные люди, эти актёры. Готовы ради любимого дела хоть на Колыму. Алтай... Природа изумительная, местами и люди. Но театр подлежит реставрации. Почти как моя душа.
- Теперь я, кажется, начинаю понимать всю вашу трагедию. Дело в том, что я сам учился актёрскому мастерству. Меня научили чудесно читать, танцевать, петь, общаться с партнёром и вот результат, я – не нужен! С завтрашнего утра я – бомж. Да вы не бойтесь. Я буду очень аккуратным, не собираюсь рыскать по помойкам, да спать по подъездам или уличным лавкам. Особенно когда мне этого совсем не хочется... Это я. Но вы! Вы-то как могли не подняться на «олимп» с такими данными? В голове моей безмозглой, простите, не укладывается. Или вы – дурочка, что не сумели воспользоваться в нужном месте, с нужными людьми в нужное время, или... Ведь наверняка были шансы! Ведь были?! Надо было наплевать на гордость! Плюют же все, кто хочет взлететь. Все звезды проходили это!
- Открою вам маленький секрет, только вам. Меня приглашали к Никите Михалкову. Но я не настолько велик, чтобы

участвовать в его гениальных проектах, но и не настолько ничтожен, чтобы работать в дешевых театрах. Лучше вообще этим не заниматься.

– Если без этого сможешь.

– Вы знаете, в сущности, мы нигде не нужны. И если у вас теплится мечта уехать за границу, отбросьте её, там мы тем более не нужны. Туда можно съездить развлечься, отдохнуть, хлебнуть свежих впечатлений, не более. А потом опять тоска... Хотя, в принципе, отдохнуть можно прилично и у нас, при удачном раскладе баксов в кошельке. Но всё в итоге возвращается на круги своя... Вы согласны со мной?

Он оскалился и засмеялся каким-то дьявольским смехом. В какой-то момент у меня появилось сомнение: а человек ли со мной общается?... Потом он резко переменялся в лице и с грустью добавил:

– Да... очень жаль! Вот когда я выходил из кафе и увидел, как вы переходили дорогу, знаете, о чем я подумал? Нам не так давно пришлось финансировать спектакль «Кармен» по пьесе Проспера Мериме, и когда я посмотрел на вас, я замер... Боже! Какой великолепный идёт материал! Где вы были раньше?! Но всё равно, поверьте, госпожа-фортуна вам улыбнётся. Это произойдет. Непременно произойдет. Я буду этому страшно рад и готов финансировать все спектакли с вашим участием!

– Снимите лучше себе квартиру, – дала я, как мне позже показалось, банальный совет.

– Да... Мир грязен и несправедлив, – сказал он куда-то в пространство.

Тут подошёл какой-то дед и попросил закурить.

– У тебя есть сын?

– Есть.

– И что... Он не может купить тебе сигарет?

Старик отрицательно покачал головой.

– Возьми топор и заруби его. Я разрешаю. А теперь пшёл вон!

И, обращаясь ко мне, добавил:

– Извините, что позволяю себе отвлекаться от вашего шикарного общества. Это временно. И вот я снова в вашей власти. Вы очень спешите?

– Очень. У меня неотложные дела.

– Какие могут быть проблемы у такой девушки, как вы? Вы созданы для того, чтобы блистать, любить, восхищать, украшать. У каждого своё предназначение. Хотите, я покажу вам ножик резной работы? Наверняка было не мало людей, которые были готовы решить ваши проблемы, трудности, лишь бы вам помочь, но вы, увы, так ничего и не предприняли... Одумайтесь, пока не поздно.

Он говорил и вертел в руках нож, который поблескивал от фонарных бликов. Ощущения у меня были жуткие...

– Кто, как не вы, должны быть счастливы, – продолжал он, – Многое зависит от вас! Короли и королевы имеют власть, вселите в себя хоть немного власти, внушите себе, что вы – королева. Вам это нужно, поверьте. Вы знаете, в последнее время меня мучает жестокая мысль: я понял, что главное – это любовь. И ещё я разделяю людей на две колонны: удобоваримые и просто мразь, которых надо давить. Но сегодня передо мной открылась неведомая третья... Это не похоже ни на что. Это благодаря вам! Сегодняшнее время жестоко. Если ты богат, для тебя открыты все дороги. Примут везде, хоть на приёме у самого короля Франции, хотя ты по своей сущности – большое дерьмо! Хороший человек без копейки в кармане стоит столько же, сколько его пустой карман и на хрен нигде не нужен. Вот ваша «прекрасная» жизнь на Земле... Вам нужен ангел-хранитель. Смотрите, какой скальпель, он очень острый, я упёр его из центрального морга, у меня там работает лучший друг. Везде нужны связи. Надо не только прожить жизнь по-человечески, но и достойно уйти из неё.

– Достойно уйти из морга – это круто! Ты говоришь, что жизнь для тебя – жёсткий закон, выживает сильнейший, кто сильнее тот и прав, а где же справедливость?..

– Какая на хрен справедливость! Вы её видели? В этом мире её нет. Миром правят только богатые и сильные фигуры. Этот мир так устроен – «стань богатым, научись плевать» и будешь уважаем». Если не ты, то тебя, и иногда совсем не важно, кто прав. Сила во власти. Сидит большой слон на троне и думает только о своей шкуре и о своем брюхе. Все остальные предоставлены сами себе, и поэтому ничего сделать не могут, едва сводят концы с концами и в результате

погибают. Идёт естественный отбор. Чистка. Вот такой парадокс...

– А ты смог бы убить человека?

– Запросто.

– А я знаю одно – ничего просто так не бывает и не проходит. И даже, если кажется, что ты хозяин положения, – это иллюзия, которая длится определённое время. Это проверка. Не нами устроено, что в любой момент что-нибудь печальное случается, и тогда уже тобой распоряжаются как сочтут нужным, по иным законам, тебе ещё неизвестным. Поэтому мне симпатичны люди, которые хоть немного сомневаются в чём-то, думают о последствиях, боятся кого-то обидеть, причинить зло. А лучше, если бы не боялись, а не хотели. Боязнь – само по себе чувство неестественное. Человек слаб, но не настолько, чтобы понять, что делает не то, идёт не туда. И везение тоже зависит от каких-то заслуг, а невезение, может быть, от кармы...

– А вот это бред! Разве те, для кого стало обычное обычное лезть по трупам, заслуживают роскошной жизни?! У них чистая карма, им везёт, и они творят, что хотят и живут при этом на полную, а не влачат жалкое существование. Они ферзи, тузы, а мы тараканы.

– Я не ощущаю себя тараканом.

– Простите, я образно.

– Именно образно и не ощущаю.

– Когда-нибудь я обязательно запишу ваши мнения на диктофон. Можно я побуду несколько минут журналистом? Я хочу взять у вас интервью перед выходом на сцену.

– А перед выносом из морга? – съязвила я.

– И даже там, но здесь вы пока нужнее, уверяю вас. Где я могу вас увидеть, если очень захочу? Я надеюсь, вы не посмеете отказать такому симпатичному юноше?

– Извини, я не могу.

– А вот так со мной не надо. Обижаете. Буду ругать. И так, у вас один вариант, другого нет. Где и когда? Завтра нет? Хорошо, подожду до послезавтра. Этим временем я подготовлю интересную программу, подключу друзей, они помогут.

– Ты нагло себя ведёшь.

– Ну что вы, как можно. (Его лицо вдруг засияло). Это про-

сто гены. У меня знаменитая родословная. Я отношусь к династии Морозовых, пятнадцатое колено. Мой дед был политическим деятелем. Так что мы дворянского происхождения, – сказал он с необычной гордостью, вытянулся и приподнявшись на носочки, плавно опустил, почесав зализанный затылок.

Я, уставшая от болтовни, метнулась вперёд, но резким движением он схватил меня за руку и раздраженно шепнул:

– Этот трамвай вы тоже пропустите.

Было понятно, что легко не отделаться. И, как на зло, ни души! Я начала задавать нелепые вопросы.

– Ты счастлив с друзьями?

– У меня друзья – очень нестандартные люди, вы сами в этом убедитесь! Скоро! Так что вы любите? Орган любите?

– Да.

– Тогда мы пойдем с вами в консерваторию. Но сначала в музей, культурно просвещаться.

– Чувствуется такой потенциал твоей фантазии, психологии... Много читаешь?

– Нас этому учили. Сейчас я читаю мало, раньше много: Грибоедова, Островского, Достоевского, Лондона, де Сада, Мопассана... Ну так где и когда?

И тут я выпалила:

– Послезавтра... в три часа, здесь... на остановке...

– Вот и славно. Я знаю, вы не посмеете не придти. У меня много интересных вещиц... Отчего вы такая убитая горем, я что-нибудь не так сказал, сделал?

– Где же твои гены, невежа! – меня понесло. – Из-за несчастной сигареты ты обидел пожилого человека!

– Ну полно! Как можно! Умоляю вас, дайте шанс искупить вину. (Он встал передо мной на колени и взял мою ладонь). Хотите, я сейчас подарю две пачки самых модных сигар первым попавшимся кретинам?..

– Нет, не хочу!

– Преумная, преумная реакция! Мне такие женщины ещё не попадались. У вас есть логика – хорошие сигары надо дарить только хорошим людям. Кругом сплошная неблагодарность. Еду как-то в общественном транспорте, на сохатом, контролёр проверяет билеты. Присосался к девушке, как клещ, и

всё! Я выступил, говорю: «Чё ты у меня билет не спросишь, чё ты к ней прилип, не видишь, у девушки несчастье и даже на проезд нет, а ты лезешь своей наглой харей к ней чуть ли не в душу! Отстань, говорю, по-хорошему. Я всегда хочу всё сначала по-хорошему. Надеешься всё-таки, что вокруг люди, а не полное дерьмо! В итоге пришлось нам с кондуктором выйти, поговорить по-другому. Трамвай стоит, люди возмущаются моим «страшным» поведением, но ни одна сволочь не вышла и не встряла за бедную жертву, стадо баранов, каждый за свою шкуру трясётся. А вы говорите справедливость, вышний суд... Нет, людей надо учить жить на Земле! Я вообще недавно представьте, попал в катастрофу. На мне, если честно, живого места нет. Лежал в больнице, заштопали. Живуч оказался. Одни ограничения: нервничать нельзя, с бабами нельзя, пить нельзя, курить тоже. Сначала соблюдал, потом надоело. Так что у меня второе рождение! Возрождение к жизни. Я – птица Феликс! (Он забил себя в грудь так, что мне стало жутко как никогда, и засмеялся своим диким хохотом). А вот и плывёт ваш пароход. Скажите, а вы могли бы оставить театр, все мысли о нём, все желания, если бы встретили стоящего человека? Подумайте об этом на досуге. До послезавтра, принцесса. Будьте осторожны, чтоб никто не посмел вас обидеть, не то...

«Будьте осторожны, двери закрываются» – перебил в микрофон голос водителя и трамвай, в который я влетела, отчаянно тронулся, скрипя несмазанными колесами по ржавым, шершавым рельсам.

P.S. Спустя два месяца по телевизору я вдруг увидела его. В театральном фойе он давал интервью, одет был в рубашку с кружевными манжетами и грустно смотрел на меня полузакрытыми голубыми глазами, медленно моргая длинными пушистыми ресницами...

Тамара Серова
г. Саратов

ЛИДА МЫЛА ПОЛКУ

**Потому оставит человек отца своего
и мать свою, и прилепится к жене своей;
и будут два одна плоть.
(Священное писание)**

1

Хотя «дни поздней осени бранят обыкновенно», но никто даже не представляет, до какой степени я боюсь и не люблю позднюю осень. Между тем, этот страх, соединённый с нелюбовью, преследует меня всю жизнь – с самого первого класса.

В школу я поступила в Анадыре. Жили мы тогда на Чукотке. Папа служил в армии. В тот год его полк перебазировался с Чукотского полуострова. Я проучилась в первом классе десять дней сентября, когда наша семья отправилась с папиным полком на «большую землю» – в Белоруссию.

После погрузки в порту наш океанский грузовой корабль пошёл из Анадырского залива через Берингово и Охотское моря к Японскому – в порт города Владивостока. Всё правильно – корабль шёл, а не плыл. Как грубо говорили моряки – только говно плавает, а корабль идёт. Грубость моряков объяснима – у них служба суровая и опасная.

Наше морское путешествие от Анадыря до Владивостока вместо обычных десяти дней растянулось на двенадцать. Задержка в пути произошла из-за осеннего тайфуна.

Получив радиосводку о приближении тайфуна со стороны Японского моря, капитан согласовал с руководством изменение маршрута: в обход тайфуна. Пассажиры шептались, что недавно опередившее нас судно волна расколола на две части, поэтому начальство стало таким сговорчивым.

Полностью обойти тайфун нам не удалось.

Резко усилился ветер. По словам моряков, стало «свежо». Мы шли навстречу гневной стихии. В ожидании шторма всем велели привязать чемоданы и разные вещи, запретили выходить на палубу.

Как только вошли в зону шторма – мгновенно стемнело. Корабль медленно продвигался вперёд, поднимаясь на высоте волны и стремительно падая вниз. Его ещё качало, как маятник, из стороны в сторону, наклоняя то к левому, то к правому борту. В нашем отсеке тускло горел свет. Люди молча лежали на своих местах, никто не хотел стоять, ходить или общаться. Дети не играли. Время замедлилось. Пассажиры, измученные качкой, вроде как дремали. Многие ничего не ели. Некоторых тошнило. За счёт болтанки какие-то плохо привязанные алюминиевые кружки, ложки или чайники, громяхая, перекатывались от одного борта к другому. Дежурившие в отсеке военные периодически крепили отвязавшиеся лёгкие и тяжёлые предметы.

Мама и моя старшая сестра чувствовали себя плохо, ни с кем не разговаривали. Их укачало. Меня совсем не тошнило, но было скучно. Папа велел мне никого не беспокоить и лежать тихо, держась за поручень у изголовья, чтобы не свалиться с полки. Хотя такое вряд ли могло произойти, т.к. у пассажирских полок есть высокий бортик.

Помнится, что разгул морской стихии был особенно страшен в самом начале шторма. О бушующем море я старалась не думать, но перед глазами назойливо вставала картина «Девятый вал». Огромная волна, разбитый кораблик, мачта и маленькие человечки, которых вот-вот накроет волной. На морском языке им амба.

Картину я видела перед тем, как мы отправились на Чукотку, в ресторане Владивостока. «Девятый вал» – во всю стену с одной стороны зала, а «Утро в сосновом бору» с четырьмя мишками – на противоположной. Девятый вал – пожалуйста, нате вам, сейчас, а вот с медведями встретиться нам не довелось, и сосен на Чукотке не было. Там росли только кусты, трава, цветы и ягоды: брусника и голубика. Однако на Чукотку завозили «мишку косолапого» в виде конфет. У этих конфет фантик – как на картине «Утро в сосновом бору», только картинка маленькая и на голубом фоне.

Мама говорила, что на Чукотке снабжение замечательное. Разные качественные товары на Север привозились из Москвы и Ленинграда. С полочки папа и мама всегда покупали тёплую одежду и разные вкусности: яичный порошок, порош-

KO-

вые сливки, молоко, какао и сладкую сгущёнку. Иногда приносили круги из замороженного молока. Красная рыба кета в бочке на крыльце магазина стояла почти без присмотра. Казалось, что из-за копеечной её цены рыбу брали бесплатно или в нагрузку к чему-то. Как хорошо, что мы будем на «большой земле», там надоевшую кету можно совсем не есть. Другой еды полно. На Чукотке пельмени и котлеты мама делала из оленины. Иного мяса не было. Вместо обычной картошки была противная сушёная картошка, но мы её ели редко. Лакомства и семечки заменял арахис. Дома мы его жарили, как семечки, очищая от скорлупы. Иногда покупали шоколадные конфеты, на Чукотке я их распробовала. Стала собирать и копить фантики от шоколадных конфет. Некоторые из них очень красивые, как у «Чио-чио-сан» – фантик беленький, а на нежном фоне розочки и веера – всё в японском стиле. Изящно и мило. Платьёце бы такой расцветки... Когда уезжали с Чукотки, все фантики пришлось выбросить. Жалко, конечно.

В дорогу мама взяла мешочек с конфетами, но шоколадных в нём нет. Я сто раз проверила. На корабль, как и в самолёт, нужно брать только кисленькие и леденцово-сосательные конфеты. Для поездки мама напекла из песочного теста домашнее печенье. Я помогала. Печенье получилось разной формы: круглое, в виде месяца, треугольника, звезды. Звезда – самое вкусное.

Во время шторма о чём только не передумаешь и не вспомнишь, пока делать нечего и играть нельзя. Леденцы погрызёшь, поспишь, любимые книжки с картинками мысленно перелистаешь, все песни, все стихи, что знаешь, повторишь – деваться некуда, надо лежать до конца шторма. Папа сказал, что капитан отдал приказ всем пассажирам и особенно детям: «С лежачих мест – не вставать!». Если ребёнок окажется непослушным, то его отца могут наказать и «на губу посадить», а ещё страшнее – могут с погон «звёздочки снять» – в звании понизить, а это почти как «жуткий трибунал». Папа дежурил в трюме корабля, где оборудование и солдаты. Он не был с нами почти весь шторм.

Край свирепого тайфуна трепал наш корабль почти сутки. После шторма стало светло, качка уменьшилась. Люди за-

двигались, зашевелились. Я очень хотела посмотреть на большие волны, просилась наверх подышать. Папа сжалился. В приоткрытую им металлическую дверь я выглянула на палубу. Видимости вдаль никакой – только невысокие волны ритмично захлёстывали палубу и скатывались в море. Ветер поутих, но не прекратился. Ещё как «свежо»! Желание выходить на палубу у меня пропало.

Позднее все говорили, что шторм, в котором оказалось наше судно, был восемь баллов и ещё хорошо, что мы не попали в центр тайфуна. Хвалили капитана за мудрое решение.

Дальнейшие вопросы у меня возникали только о штормах. А бывает десятый вал или девятый – последний, как на картине Айвазовского? А одиннадцатый, а двенадцатый вал бывает?

После шторма страшно хотелось увидеть землю. Ступить на неё...

Однажды на нашем корабле все высыпали на палубу – получилось, как будто «свистать всех наверх». В этот день море было спокойным, но нас стала сопровождать стая акулкасаток. Они плыли рядом с кораблём, то по правому, то по левому борту, думая, что наш корабль – кит, выпрыгивали из воды. Так они плыли около часа, а потом, запыхавшись, отстали.

Как выглядели Курилы, я не знаю. В это время я спала.

Когда судно было в нейтральных водах, то все пассажиры об этом знали. Папа говорил, что в нейтральных водах надо вести себя тихо и спокойно, чтобы никого не провоцировать.

Землю мы увидели за три дня до прибытия во Владивосток. Сначала была видна узкая чёрная полоска, а потом полоска превратилась в чёрно-коричневые гористые очертания.

Из Владивостока в белорусский городок Пружаны Брестской области наша семья ехала с папиным полком долго. В товарном вагоне на нарах мы пересекли весь Советский Союз с востока на запад. Окон в товарняке нет, дверь во время движения закрыта, поэтому страну я видела мало, в основном во время стоянок. Перед отправлением нашего поезда от станций всегда многократно раздавалось: «По вагонам! По вагонам! По вагонам!».

Так получилось, что всю первую четверть первого класса я была в пути. Букваря у меня не было. Послевоенный ребё-

нок. Нас, родившихся в первые годы после Победной весны, в стране оказалось очень много. И с каждым годом всё прибывало. Учебников не хватало. Так было в русской школе, в которой я училась в Белоруссии. В нашем классе по одному букварю учились сразу два-три первоклассника.

Сомневаюсь, что в школах, где преподавание велось на белорусском языке, с учебниками было лучше. Я очень желала белорусам добра, потому что мама мне объяснила, как много тягот и лишений перенесли они во время войны. Вся Белоруссия сражалась и была партизанским краем. Фашисты сжигали целые деревни с людьми. Живьём в домах горели женщины, старики, дети. Во время войны каждый четвёртый белорус погиб.

В Пружанах я пришла учиться в школу только во второй четверти и, хотя буквы знала, но читать и писать не умела. Остаться на второй год не боялась: такая мысль мне в голову не приходила. Училась я очень тяжело. Мой день начинался в 7 утра. После уроков в школе делала уроки дома за вторую четверть, а потом и за первую, пытаясь догнать одноклассников. Заканчивала учёбу в 10 вечера. Анна Степановна, моя первая учительница, мне сочувствовала. Она давала специальные задания и прикрепила меня к однокласснице Нине Ивановой, у которой был букварь.

За букварём я ходила почти на другой конец Пружан. Иванову я считала девочкой зажиточной, так как у неё был не только свой букварь и родители, но, вдобавок ко всему, с ней жили две её бабушки. Все домашние любили умную Нину. Уроки она готовила быстро. Сделав домашнее задание, она играла в куклы. У Нининой куклы была одежда, кукольная кровать и премиленькое одеялко с беленьким пододеяльником, подушкой кукле служила подушечка от иголок. Я тоже хотела играть и Нина мне позволяла, но не хватало времени. Нина никогда меня не обманывала и всегда в пять вечера давала мне букварь. Позанимавшись час, я должна была вернуть его ей.

Я страшно мучилась над чтением. Например, в букваре написано: МУ-ХА. Читаю МЭУ-ХЭА. Потом думаю, что такое МЭУХЭА? Ужас! Ничего не понимаю. Спрашиваю домашних, что такое МЭУХЭА? Они тоже не сразу понимают, что это.

Сердятся на меня из-за непонимания. А старшая сестра стала даже меня дразнить: «Ты, МЭУХЭА, молчи, когда старшие разговаривают».

Наступила поздняя осень. Мама говорила, что Белоруссия – край дождей, лесов и болот, поэтому лето прохладное, а осенью дожди льют непрерывно. Грязь, слякоть, темень. 30-го ноября наш класс должен был писать первый диктант. Милая, добрая Анна Степановна разрешила мне писать диктант вместе со всеми. Я очень гордилась таким доверием. Я много трудилась и считала, что к диктанту должна собраться, как партизан Полесья к решительному и последнему бою – тщательно и с верой в победу. Для первого диктанта я приобрела тетрадь с хорошей белой глянцевой бумагой. На такой бумаге всё написанное выглядит красиво. Что ещё нужно для успеха? На обложке красовалась типографская надпись на белорусском языке – «СШЫТАК», что означает «тетрадь». Я мечтала наполнить «СШЫТАК» только оценками «4» и «5». «Белорусы – «сябры» дорогие, спасибо за белую бумагу, я вас не подведу и не посрамлю земли русской!» – думала я. Всё так, только знаний, опыта и умения при письме у меня было маловато, а вернее, совсем недостаточно. Перед диктантом Анна Степановна ещё раз напомнила, когда писать заглавную букву, а когда строчную, и начала диктовать.

Я безумно старалась, но не поспевала за детьми. С одной стороны – я, плохо соображающая, что и как должна выводить моя рука на тетрадном листке, а с другой стороны – бумага на парте, блестящая, белая-пребелая, само совершенство. Ах да, ещё эта Лида.

Девочку из диктанта звали Лида. При письме я часто путала буквы «б» и «д», поэтому написала не Лида, а Либа, причём с маленькой буквы: «либа». Трудолюбивая девочка из диктанта что-то «мыла». В букве «м» я не дописала один крючок. Второпях вместо «ы» написала «и» и, забыв сделать пропуск между словами, прилепила к первому слову второе. Получилось уже не просто «либа», а необычное, новое слово «либали». Посмотрев на свою писанину, ничего не могла понять и испугалась. Тут же позабыла сразу все письменные буквы. Стало холодно спине, «схватило» живот.

Проходившая между рядами первоклашек Анна Степановна просматривала начало диктанта. Увидев моё творение, она решила, что дальше рисковать не следует, ведь продолжив, я могла написать ещё неизвестно что... Посему, с тактичного разрешения учительницы, моя письменная работа завершилась. В конце диктанта я поставила очень заметную точку.

На первой странице белой-пребелой глянцевой бумаги «СШЫТАК» в качестве диктанта содержалось лишь одно только что сочинённое мною слово, совсем свежее – «*либали*» с жирной точкой. Все остальные ученики – кто с ошибками, кто без – написали «*Лида мыла полку*». Контрольную работу хуже моей даже представить невозможно. «Сябры» не могли спасти меня. Амба. Сражение проиграно, и девочка Лида из диктанта праздновала победу. Эту особу с полкой, как свой позор, я возненавидела навсегда. Слова «*Лида мыла полку*», вобрав мои страдания из-за неудачи, приобрели для меня значение невероятно грустной крылатой фразы.

Память на всю жизнь сохранила непреодолимый ужас бытия поздней осени. Тридцатое ноября стало для меня днём «чёрной метки», когда страх холодит живот и спину, а волосы встают дыбом и «амбы» не избежать.

2

Со скоростью света летят дни. Пасмурное утро. Слякоть и грязь, чего ещё можно ожидать от поздней осени в третьем тысячелетии? 30-е ноября. Пока на кухне закипал чайник, я читала стихи саратовского поэта Игоря Шведова. Только я успела прочесть понравившиеся мне строки, как мой взрослый сынок сообщил мне, что решил жениться на Лиде. И сегодня они пойдут подавать заявление в ЗАГС.

– Бабушка уже знает об этом, – легко сказал сын и добавил: – Мы были у бабули вчера вечером. Пили чай. Опрокинули варенье в шкафчике. Я помогал Лидочке, а Лида мыла...

– Полку? – упавшим голосом уточнила я.

– Да, вроде того... Точно. Лида мыла полку! Мама, ты... что застыла? Почему молчишь?

Молчу... оттого... Зачем эта ненавистная фраза «*Лида мыла полку*» проскользнула к нам на кухню?

Снова я беспомощна. Сейчас мне сорок семь, а тогда было семь. Вернулось прошлое, а говорят, что время не возвращается.

День в день. Две точки.

Между двумя точками на плоскости можно провести прямую линию, и притом только одну – в школе доказывали... Доказательство верно. Придраться не к чему. Самый короткий отрезок между двумя точками – прямая линия... Линия жизни и судьбы между двумя ноябрьскими днями оказалась такой короткой... Короче некуда... Куда делись сорок лет?... Заявление в ЗАГС...

«Лида мыла полку». Переговоры бесполезны. Как спасти? Откупиться... Я решительно всё готова отдать этой Лиде – о, только не сына.

Я не бедная, у меня есть золотое кольцо, серьги, мутоновая новая шуба, настоящий английский столовый сервиз, не то серебряные, не то мельхиоровые ножи и вилки... Неважно... Ей ничего не надо. Ей совсем не нужна моя жизнь. Взамен она ничего от меня не возьмёт. Ей нужен только мой сынок.

Ну, почему я должна отдать этой Лиде самое дорогое, что у меня есть, – моего сына? Моё сокровище. С первого дня его жизни и каждый день я думала о нём, я не пропустила ни одного дня. Ради него я столько сделала в своей жизни и хорошего, и не очень, и даже совсем плохого и стыдного. Столько гор свернула. При этом я ни разу не предала его. Или нет, вру – один раз предала, когда ему был почти месяц.

В то утро я ездила к руководителю моего диплома. Когда вернулась, малыш-крепыш был очень голодный и от нетерпения стал захлёбываться моим молоком, захлебнувшись, он жутко засипел. Я испугалась. Я не могла положить кроху на животик, он ещё не держал голову. В этот же момент на кухне произошло что-то страшное. Там начала задыхаться мама. В тот период, после облучения опухоли в горле, маме трудно было глотать. Внезапно у неё возник спазм, она, бедная, не могла вдохнуть воздух. Я рванулась к маме, оставив сипящего малыша в кроватке. Если он задохнётся и погибнет, то ничего не поймёт – слишком мал. А мама... Я кинулась спасать маму. Я бросила и предала его. Тогда, правда, всё обошлось, но кошмар момента выбора – в душе остался.

Позднее я подумала, что женщины всё-таки счастливее мужчин. Что значит мать для любого человека, мужчина-сын способен понять и почувствовать скорее только тогда, когда его матери уже нет в живых. И это осознание трагично и тяжело. Молодая женщина, став матерью, сама на своём опыте может понять, что такое материнство и что значит мама. Такая возможность – большое счастье для дочери. Одна из немногих женских привилегий. Божественный подарок – шанс успеть проявить свою благодарность и любовь к матери при её жизни.

И что же теперь мой взрослый сын?

– До вечера, мам! – торопливо сказал мне сынуля, уходя подавать заявление на брак с Лидой.

Прошла неделя. В отчаянье я всю неделю тупо ревела. Если кто-то был дома, то включала воду в ванной, чтобы домашние меня не слышали, под шум воды рыдала в голос или просто тихо купалась в воде и слезах.

– До свадьбы осталось три недели. Завтра идём знакомиться с новой роднёй. Не вздумай выкинуть какое-нибудь колено или что-то изобрести, – грубо и резко сказал муж, значит, сам переживает, и продолжил:

– Сын любит эту девочку. И он будет счастлив с ней, а не с нами. Смирись с этим. Не будь злой свекровью.

Муж предал меня. «Муж – это предатель» – вспомнила я слова подруги. И этого предателя я столько лет любила... «Смирись!»! Ещё чего! И не подумаю. «Свекровь»? Это его мамаша – свекровь и бабуля, а я нет.

Давно нет моей первой учительницы, родителей. Кто посочувствует мне?

Подумать только, я отдаю даже не орган для пересадки за деньги. Я отдаю свою жизнь бесплатно – за просто так. Сынуля – это вся моя жизнь. Смысл любой жизни – в любви. Сынок... Я всегда любила даже всё то, что любил мой мальчик. Неужели теперь я должна полюбить безжалостную и бездушную, как автомат Калашникова, Лиду с полкой? Моё счастье, мой сынок, куда и к кому уходит? Такой парень! Смириться... Как?

Редкое имя. Ни одной Лиды раньше не встречала. Разве что в фильме у Гайдая о приключениях Шурика вроде есть

девушка Лида. С ней Шурик смешно готовился к экзаменам и тоже, как и мой сынок, влюбился в эту Лиду. Есть стихотворение: «Хорошая девочка Лида, но, чем же она хороша?». Поэт Смеляков не понимает, что в ней хорошего, поэтому дальше: «Спросите об этом мальчишку». И ответ: «Он с именем этим ложится и с именем этим встаёт». Значит секс, что ли? Или значит – что-то в ней есть. Может быть, и мне дано это «узреть»?

Стоп! Так и быть, поступлю, как у математиков в доказательстве от противного. Я сама посочувствую чистоплотной девочке Лиде. Не такая уж я закоренелая эгоистка и способна к пониманию, хотя у меня, конечно, были ошибки. Мне ещё повезло, ведь если судьба улыбнулась, то человеку даётся зрелость или старость, как специальная тетрадка в школе – для работы над ошибками.

В жизни у меня было столько ошибок... Мне теперь их исправлять и исправлять... Чтобы успеть всё выправить, необходимо жить долго. С юности помнится, когда у соседа Славы была свадьба, моя мама была среди гостей. После свадьбы я расспрашивала маму:

– Мать невесты, отдавая дочку замуж, плакала?

Мама отвечала:

– Плакала.

– Я так и думала... Дочку, конечно, жалко отдавать в люди, родное дитя. А как мать жениха – Галина Ивановна? – допытывалась я у мамы.

– И она тоже плакала, – отвечала мама.

– Галина Ивановна? Не может быть! Прослезилась? Не верю. Притворялась. Чего сына жалеть? Мужикам в семье, в жизни – легко. Чего из-за них казнить? Ну, точно, Галина Ивановна притворялась! – безапелляционно рассуждала я в двадцать лет.

– Ты что? Глупость ты говоришь! Как же мать может сына не жалеть, ведь он для неё – ребёнок. Вот будет у тебя сын, тогда всё поймёшь, – отвечала мне мама.

Прошло три года после этого разговора. Выйдя замуж, я ждала малыша. Своё мнение не изменила. Я не эгоистична. Как другие женщины, дочку – для себя – не ждала. Не хотела для себя. Пусть будет сын, и тогда ребёнку будет хорошо.

Нужен только сын. Мальчику легче. Девочке так трудно в жизни. Дочку так жалко. Я сойду с ума от сострадания к ней. Только сын. Иначе – «рехнусь». Как я ошибалась. Теперь знаю, что мальчик – это тоже ребёнок и его так же жалко до слёз. Девочку свою я мысленно щадила и любила всегда, даже если реально её у меня никогда не было. Разве могу я забыть эти свои мысли?.. Пытаюсь согласиться с судьбой и с домашними...

Признаю. Лида с полкой победила меня и тогда, давным-давно и сейчас. Свадьба будет 30 декабря. Получается, что перед Новым годом завершится ещё одна «ирония судьбы», только наша – с Лидой, с полкой и без участия режиссера Эльдара Рязанова. Как любая женщина в душе, из-за женской солидарности, я жалею, а коль сочувствую, то, возможно, полюблю эту молодую женщину, которую любит мой сын. У неё будет наша фамилия. Лида становится нашей – нашей дочкой.

Пожалуй, полное имя – Лидия – звучит женственно. Особенно, если произносить медленно: Л и д и я. Получается даже красиво. Л и д и я. Надеюсь, что когда-нибудь я смогу...

До Нового года три недели. Муж прав. Пора идти свататься.

Пусть только судьба будет милосердна... к сыну...

Юрий Дудаков
г. Саратов

МАКАРЫЧ

После выхода из тоннеля начинаются дачные участки товарищества «Обувная фабрика». Митькина мама, овдовевшая в сорок три года, одна воспитывала сына.

«Шалопай», – так отзывались о нём соседи, хорошо знавшие его и Людмилу Николаевну. Но для неё её «шалопай» был дороже всех богатств мира. Это он, с ватагой ребяташек, львиной маской напугал Макарыча и тот пообещал отомстить мальчишке, как выразался Макарыч, за «поруганную честь».

В период созревания овощных культур мать сотни раз напоминала сыну, чтобы поставил чучело на грядки.

– Митька, а Митька, ты погляди, что птицы натворили. Поклевали почти всю вишню. Сынок, когда же ты сделаешь чучело?

Митьке надоели причитания матери и он, собрав ватагу своих друзей, направился к железной дороге, вдоль которой росли лесопосадки. Он засунул топорик за ремень брюк и отправился в путь с ватагой Шли, не торопясь. Митька был неплохим рассказчиком, поэтому смех и веселье витали над головами ребят.

– Митя, эй, Мить, – обратилась Нюра к рассказчику, – ты взгляни на камыш. Там, у родника, что-то лежит.

Семён, шустрый мальчишка сказал:

– Я щас...

И по откосу оврага сбежал низ.

– Ну что там? – интересовались наперебой ребята.

– Ничего особенного. Кажись, чучело из камыша.

– Так это же то, что мне нужно! – воскликнул Митька, и сбежал вниз, к роднику. – Эх ты, вот это да! Это то, что мне нужно для огорода.

Ребята знали, что Людмила Николаевна жаловалась соседям на отсутствие чучела на их огороде, поэтому не удивились той радости, которая появилась на лице их друга. Митька обратился к друзьям с просьбой:

– Давайте отнесём чучело к нам на огород, а потом вернёмся на «железку».

Смеясь, ребята подхватили чучело и, придерживая руками так, чтобы оно не развалилось, вернулись к Митькиному участку, выкопали яму. Затем принесли трёхметровое брёвнышко, которое валялось возле дачки, и, опустив один конец в яму, утрамбовали кирпичами и землёй. Прислонив чучело к брёвнышку, обмотали шпагатом низ, где должны быть ноги, и для прочности обвязали стальной проволокой.

Поглядев на свою работу и получив полное удовлетворение, со спокойной совестью отправились к посадкам. Митя, одухотворённый тем, что мама будет довольна его работой, бежал впереди всех, увлекая за собой ребят. Их ждала игра в «казаки-разбойники».

Людмила Николаевна находилась у соседки, недалеко от своей дачки. Около часа она разговаривала со своей подругой, а когда вернулась, не поверила своим глазам. От радости даже подпрыгнула и не сдержала восторга:

– Ай да умница! – подумала она о сыне, подошла к чучелу и провела ладонью по связанным камышам. На неё нахлынуло вдохновение и захотелось работать. Вскоре мотыга заиграла в её руках, и махала она ею без усталости вплоть до обеда. Слегка подуставшая, она подумала, что скоро должен вернуться сынок, которого надо накормить, поэтому надо заканчивать прополку и варить суп. Людмила Николаевна подошла к чучелу и прислонила к нему мотыгу.

Обхватив его руками и прижавшись щекой, прикрыла глаза. И вдруг ей показалось, что чья-то рука стала гладить ей спину и плечи. Где-то рядом раздались глухие стоны. Женщина отскочила в сторону. Тишина!

– Может, я перегрелась на солнце, – сказала она сама себе и отправилась к подруге за лекарством.

– Что случилось? – поинтересовалась подруга.

– Соня, ничего не могу понять. У меня, кажется, начались галлюцинации.

Выслушав рассказ Людмилы Николаевны, Софья Анисимовна, решила составить ей компанию, и они вместе направились на огород, к чучелу. Увидев чудо, сделанное руками «шалопая» Митьки, она еле сдержала слёзы умиления, подошла и провела ладонью по камышам. Раздался стон, и чучело схватило её за руку и произнесло что-то нечленораздельное. Правда слов этих Софья Анисимовна вряд ли слышала, так как, сжавшись «калачиком», возлегла у подножия чучела.

Людмила Николаевна со словами: «Чур меня, чур меня!» бегала по всем участкам, призывая людей на помощь. Когда собрался народ, Митькина мама повела его на свой огород. Мужчины, понимая, что произошло что-то неприятное, вооружились лопатами и вилами. Подходили с опаской, держа «оружие» на изготовку.

Первым ступил за черту огорода Никитич, который не верил ни в Бога, ни в чёрта. Подойдя к чучелу, он хотел вилами проверить его внутренность.

– Эй, мил человек, развяжи меня и дай попить, – взмолилось камышовое чудо, и наступила тишина. Никитич, где стоял, там и сел, вытаращив глаза. Остальные сгрудились за пределами дачи и боялись шелохнуться. Некоторые из мужчин решили подойти к чучелу со стороны спины и метнуть в него вилы. Наконец осмелился Геннадий и шагнул за порог калитки. С опаской приближаясь к чучелу, он услышал нецензурное слово, после которого произнёс имя «Маша».

У Геннадия не осталось ни капли сомнения: это человек. Он подбежал к чучелу, сбросил с его головы колпак, сделанный из камыша, и все ахнули, узнав Макарыча. Геннадий размотал проволоку, освободил от веревок руки бедолаги, который опустился на землю и хриплым голосом повторял только: «Пить, пить...»

– Макарыч, ты же обещал не наряжаться в эту дурацкую одежду! Сколько же можно тебе говорить об этом? – возмутился Геннадий. – Тебя ведь могли заколоть вилами. Как ты оказался на этом огороде?

– Не помню, – всхлипнул Макарыч. – У меня стали чесаться пятки, на них появились трещинки. Я спустился в овраг и нарезал камыша.

– А камыш-то тебе зачем?

– Я не хотел, чтобы меня видели у родника, а то все сбегутся лечиться и мне может места не хватить.

– А зачем ты в чучело-то нарядился? – не унимался Геннадий.

Макарыч пояснил, что у него редкое заболевание: неожиданно наступает «окостенение» тела и он находится в бессознательном состоянии сутки, а порой и более. Жаркая погода и ледяная вода превратили Макарыча в «чучело». А как он оказался на огороде рассказал «шалопай» Митька.

Евгений Саблин

г. Саратов

ПОЧТИ НЕКРАСОВСКИЙ СЮЖЕТ

В деревне, в горячую летнюю пору, где стадо прогонят и пыль до небес, гляжу, поднимается медленно в гору тягач гусеничный, буксирует лес. Не встать и не крикнуть засохшею глоткой, жарища такая, весь мокрый платок. В кабинке горячей, под стать сковородке, мальчишка рулит – мужичок с ноготок...

Вот так бы, почти по Некрасову, я мог пересказать свои впечатления о встречах со своими сверстниками в начале далёких, теперь пятидесятих годов, в маленькой деревеньке, где война выкосила мужчин-кормильцев. В мастерской, на кузнице и на бригадном дворе хозяйничали инвалиды, измученные женщины и ещё – мальчишки. Если лет столько, сколько пальцев на руках, – это уже сила в колхозном производстве.

Я давно рвался в деревню к тётке. И когда на попутной машине доехал до Тёплого, в груди застучал молоточек радости. Все школьные каникулы мне, третьекласснику, разрешили пробить под надзором тёти Даши с её сыновьями Васькой и Витькой, которые на три года старше меня.

– Пойдём к братушке, – с ходу позвал меня Васька

С узелком, а в нём лепёшка и сыр, мы пришли к краю наполовину вспаханного поля. Из-за бугра выполз трактор. За рычагами стального богатыря сидел Витька. Я глазам не поверил: коротышка, от горшка два вершка. Такие за школьной партией падежи учат, а он... Ух ты! Такой машиной управляет. Трактор с прицепленным к нему плугом остановился, хотя мотор продолжал рычать.

– Полезай в кабинку, – подтолкнул меня Васька.

Сам он уселся на плуг, сменил немислимо грязного от пыли такого же пацана-прицепщика.

Витька молодец. Он вторую неделю втихаря подменяет МТС-овского тракториста, своего желтушного дядю. Большой может провалиться в палате до поздней осени, а зябь надо вспахать а августе.

Закон запрещал детский труд. Но что закон! В конторских бумагах мёртвые души. Числятся одни – работают другие, кому ещё рано подходить к технике.

Как я визжал от радости, когда Витька дал мне поуправлять, подёргать за рычаги. У гусеничного трактора не как у машины: дёрнешь на себя рулевую колонку, и бегущая гусеница с одной стороны замрёт, зато с другого бока такая же продолжает бежать и трактор делает поворот.

Я то и дело оглядывался назад. Васька вертел рукояткой, заглубляя плуг. Его лемеха, отполированные трением до блеска, вгрызались в землю, отделяя пласт, будто ломать хлеба от краюхи.

– Васька не свалится под плуг?

Витька посерьёзней и что-то сказал. В шуме мотора я не расслышал. Лишь когда под утро шли со смены, в доме у вдовы Егоровны сквозь стекло был виден огонь лампы: женщина молилась под образами.

– За упокой Петьки своего молится. Невзначай, вот, запахали хлопца.

Трагедия случилась месяцем раньше. Тринадцатилетний прицепщик Петька умаялся, отошёл вздремнуть на ещё неспаханную часть поля. Скукожился, лёжа живым комочком на промасленной фуфайке, уставший и оглохший от тракторного гула. В свете тусклых фар он показался трактористу кучкой соломы...

Страшная картина открылась только утром. Голосило всё село. Но и после ничего не изменилось, дети продолжали заменять взрослых на опасной работе. Надо же выбираться из нужды.

Витьке за лето начислили много трудодней. Но на каждый выдали только по полтора килограмма зерна.

– Проживём как-нибудь, – грустно успокаивала себя тётя Даша.

Ваське тоже причитались трудодни за работу прицепщиком. Их записали на мать. Васька гордился тем, что научился водить трактор, а в уборочную успел поработать на соломокопнителе, которые прицеплялись к комбайнам «Сталинец-6».

На зиму Ваську забрали в город мои родственники, говоря: «Пусть поучится в нормальной школе». Но горожанина из него не вышел. Учился на «колы» и «двойки», экзамены весной не сдал.

– Не надо быть таким лентяем, – пристыдила Ваську учительница.

Мальчишка стоял, потупившись, шмыгал носом.

Мне хотелось громко закричать: «Это неправда! Васька не лентяй! Он всё может!»

Мимо дружной ватагой шли городские сверстники. Они тоже учились неважно, срывались с уроков, курили, а некоторые подворовывали. Послевоенная беспризорщина и безотцовщина! Не всем детям войны удалось выкарабкаться, стать достойными людьми. Нередко улица, их главный воспитатель, вела в криминальный тупик.

Моих сельских ровесников тяжёлый труд рано сделал взрослыми, закалил. Подростки умели пахать и сеять, слесарить и плотничать, водить гурты – зарабатывать на жизнь. Но ещё долго предстояло им жить в нищете.

Васька отличился на севе и уборке урожая. Появились первые деньги, паренёк поехал в Саратов, чтобы купить что-нибудь из одежды. Туда же ехал и я с больной мамой. В областном тубдиспансере её ежегодно обследовали, чтобы подтвердить инвалидность.

Нашего геройского Ваську не пустили в гостиницу «Московская».

– Без паспорта к нам нельзя, – недовольно буркнул швейцар сквозь свои прямо-таки будёновские усы.

Регистраторша повертела в руках Васькину справку из сельсовета. В ней чёрным по белому было написано, что Васька не какой-нибудь проходимец, а работник сельхозартели имени Ленина. Колхозник, проще говоря. Паспортов им по закону не полагалось.

– Вот и ступай в свой Дом колхозника, – сказали ему.

Это гостиничное заведение походило на пристанище для бездомных. Ваську не сразу заселили, а сперва дали талон в душ и на санобработку. И лишь потом вместе с такими же, как он, будто арестантов, привели в пропахшие карболкой комнаты без удобств. На столе хозяйничали тараканы.

Не порадовала Ваську встреча с областным центром. Давка в очередях и автобусах, отвратительная еда в столовке, грязь в Доме колхозника.

– Никогда в городе жить не буду, – сказал он при возвращении.

Но жизнь непредсказуема. Так случилось, что оба брата стали горожанами и нужными людьми на производстве. Сельская жизнь рано приучила их к труду, сделала самостоятельными. Парни отслужили в армии, а после влились в ряды строителей Балаковской ГЭС и АЭС. Сыновья их выросли, стали кадровыми военными, а внуки собирают из детского конструктора ракету, чтобы лететь на Луну.

ПОЭЗИЯ

Ольга Комарова
г. Королёв Московской области

СИНЬ – ХВАЛЫНЬ

Заклинаешь меня: – Не стынь!
Пусть болота московские зыбки...
Синь-Хвалынь! Прикаспийская синь!
Ты цветов голубых охапка.
И в глазах моих снова возник
Городок средне-русской печали...
Как победно гудел грузовик!
Как таинственно горы молчали...

Мой Хвалынск... Златовейный песок
И взволнованной Волги сиянье...
Пристань, трап из смолистых досок
И Сосновый вдали островок,
Монастырских пещер окликанье...
В тишине среди гор меловых,
Там, где сосны присели на лапах,
Родники призывали святых,
И ветра поднимали крылатых.

...Черемшаны цветут позабыты,
Словно в яблоке – звонкое семя.
Горы вы! Меловые мои!
Все вы – братцы, хранящие время.
На закате хмелеют сады,
Зажигаются звёзды в затоне...
В ослепительных взлётах воды
Накупаются Красные Кони...

ГОРОДОК НА ЮРУ

Городок на юру, где росли мы босые,
Средь несжатых полей, на простылом ветру,
Ты последний оплот, ты надежда России,
Ты мой крест и судьба – городок на юру.

Заколоченный дом да скрипучие ставни,
Тихий шелест осин вспомню, коль не помру –
Этот берег крутой, эти жёлтые плавни,
Сквозь белесый рассвет – городок на юру.

Как тебя мне назвать, место русских селений?
Все названья твои наизусть соберу:
Воскресенск, Духовницк иль – волной сновидений –
Мой родимый Хвалынск – городок на юру.

Наша Волга-река это помнит поныне –
Как горел Сталинград, умирал на миру,
Как спасали детей с Украины, с Хатыни,
Как приютом теплел городок на юру.

Я, наверно, смогу снова кланяться людям,
Незнакомым дворам и родному двору –
Здесь вся память моя, всё, что было и будет,
Здесь отчизна моя – городок на юру.

Я увижу опять сквозь застывшие звоны
Позабывшие дни, маму, папу, сестру...
Гой ты Волга-река, где твои плотогоны?
Атаманы твои, городок на юру?

Где девчонки твои, что зубами сверкали?
Где припевки в лугах, где гульба ввечеру?
Где осётры в волнах, что всю сеть обрывали,
Городок на юру, городок на юру?

Я приеду к тебе, ты меня не прогонишь,
Может быть, и родню всю сюда соберу.
Ты меня от беды гибкой веткой заслонишь,
Ты меня не отдашь, городок на юру.

ПУТЬ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

В метельном крошеве промыслил,
В разломах ледяных – возник
Открытием на горечь истин –
Коснеющий язык...
Он изгнан в слепотную стужу,
И на ложбине сей
Морозным пламенем разбужен,
Мельканием теней.
Чтоб снега наедался голос,
Чтоб духом был спасён,
Чтоб страхом выпрямленный волос
Был мразом пропалён.
Не сельской брошенной старухой,
Закрывшей створки тьмы,
Но мразом полнощи, но духом,
Но образом Зимы.
Чтоб сердце билось ярой птахой
В крутели снеговой,
Под вологодскую рубахой
Стучало, что живой.
Живой во мгле осатанелой,
Где ни души, лишь дым.
По вихрям, снеговым пробелам
Сквозь Небо – шёл к живым.

* * *

Тайна гибели Рубцова...
Что за тайна? Это – власть.
У Поэта – власть над словом,
Но дракон многоголовый
На него разинул пасть.
Всё засовы, всё запреты,
Всё заставы да свистки.
Не звенят в мошне монеты,
Не везут грузовики,
Нет причала у реки.
Пусть далёкая зазноба
Свет не гасит до зари –
Гонит прочь людская злоба
За сверкучие сугробы,
За шальные фонари.
Где проруха на прорухе,
В отрывную круговерть,
К той разлучнице-присухе,
К той глухой слепой старухе,
Что зовётся просто – смерть.

Дмитрий Серов
г. Саратов

* * *

За дорóгой, где ветра живут,
И поют январские метели,
Вышел месяц – жёлтый баламут,
Услыхав мелодию капли.

«Видно, будет на санях езда. –
Усмехнулся, наклонивши рожки. –
Видно, ненаглядная звезда
Мне опять свои покажет ножки.

Видно, погуляем до утра!»
Свистнул, вынул ножик из кармана.
Хороша полночная пора,
Не поймать мальчишку-хулигана.

Прицепился к мёрзлому стеклу.
Нет смелее удальца на свете!
И завёз в прибрежную ветлу
Юную красавицу в карете.

Расскажи, что было, расскажи.
Выгляни в закрытое окошко.
До зари красотку не держи,
Только поцелуй её немножко.

* * *

**Пленительная, злая, неужели...
Н. Гумилёв**

Пленительная, злая, неужели
Я так противен вам? Но видит бог,
Хоть я курю табак, на самом деле,
Я вас люблю, как бы никто не смог.

Жестоко комплименты отвергая,
Страшитесь вы и слов моих, и снов,
И вновь шипите, словно кошка злая,
И говорите так: «Уйди, Серов!»

Вы целовать мне не даёте руки.
Хотели сумкой вы меня побить.
Но я претерплю все эти муки,
И буду вас по-прежнему любить.

ПРОХЛАДА

Прохладу ночи дарит нам жара,
Когда от тяжести дневной устали очи.
Устало лето, августа пора
Ослабила слегка лучей помочи.

На небосклоне старую игру
Затеяла, кружась, Луна-царица.
Кидает звёзды, ловит налету
Неведомая их ночная птица.

И прячет чудо-птицу тёмный сад,
Её мольбы то жалобны, то грозны.
И в том саду спокойно розы спят,
И яблоки там падают, как звёзды.

* * *

Ломает Волга надоевший лёд,
Она в плену была почти полгода.
Из талой полыньи пугливо воду пьёт
Собака рыжая неведомого рода.

Ещё чуть-чуть и забурлит река,
Срывая многотонные оковы.
Идёт весна, идёт издалека,
Одетая в зелёные покровы.

Вновь зажурчат весёлые ручьи,
Покроются луга осокой дикой,
И вновь омоет берега свои
Поток могучий на реке великой.

Юрий Гринёв
с. Оркино Петровского района

* * *

Позвала опять меня дорога,
Птичий посвист, неба синева.
Грусть моя осталась у порога,
Спутниц у меня в пути немного:
Только лишь Надежда и Мечта.

Сколько раз судьбою был заброшен
От тебя в далёкие края.
Но на платье ситцевом горошек,
Что носила ты, мне был дороже
И милей, чем здешние поля.

В богом позабытые селенья
Заносило иногда меня.
Но, отбросив робость и сомненья,
Шёл всегда вперёд, без опасений,
Образ твой в душе своей храня.

* * *

Не зови меня в край лебединый,
Я итак твоей нежностью пьян.
Ведь меня этот запах полынный
Растревожил, как девичий стан.

Неприкаянный ветер-бродяга
Обласкал твои плечи и грудь,
И во мне пробудилась отвага, –
Я ведь прежде был робок чуть-чуть.

Мне б сорвать ветку нежной сирени
И припасть к твоим стройным ногам.
И потом, пусть всего на мгновенье,
Прикоснуться к манящим губам.

Губит душу твой взгляд с поволокой
И сердечного голоса звук.
Я тону, словно камень в потоке,
Ощущая касание рук.

MAME

С ранних лет, почти что от рожденья,
С той поры, как мир стал познавать,
В радости и в горе утешеньем
Верным другом оставалась мать.

Через годы, горе и лишенья
Руки мамы дарят мне тепло,
Ведь она невидимую тенью
Реет надо мной, ведя к спасенью,
По дороге устраняя зло.

Хорошо мне было с мамой милой.
Нежный свет её лучистых глаз
Наделял меня волшебной силой,
В этом убеждался я не раз.

Помню, как из школы возвращался
С двойками в помятом дневнике.
Помню, как слезами обливался,
Прижимаясь к маминой руке.

Сколько раз твои советы, мама,
В час нелёгкий придавали сил.
Помнишь, как корявыми словами
Я признался в том, что полюбил?

У меня растёт сынишка маленький,
Шустрый ясноглазый паренёк...
Жаль, что ты ему не сушишь валенки,
Шарф не дашь: «Укутайся, сынок!»

Пусть года летят метелью белой,
Я за всё тебя благодарю.
Знаю: никаким великим делом
Отплатить тебе я не смогу.

* * *

У пруда, над склонёнными ивами
Тёмной ночи нависло крыло.
Я хотел бы всех видеть счастливыми,
Чтобы было на сердце светло.

Мы живём в мире лести и грубости.
Бог, ты стал к проходимцам не строг.
Если так, то снабди меня мудростью
Дошагать свой остаток дорог.

Без предательства, лжи и обмана,
Без угодливой лести в упор.
Надышаться бы воздухом пряным
Под неспешный друзей разговор.

Чтобы пламя их душ с каждым разом
Путеводной горело звездой.
Чтобы час, уходящий за часом,
Приносил мне душевный покой.

НЕЗАБУДКА

Не услышишь на зорьке побудки.
Где ж ты, мой золотой петушок?
Увядает в степи незабудка, –
Светлой родины скромный цветок.

Не чета он голландским тюльпанам,
Ему ближе во ржи васильки.
Его корни – простые сельчане,
А их судьбы – цветка лепестки.

Но не помнят здесь тучные травы,
Что такое косарь и стада.
И кого-то привычно-гнусаво
Отпевают опять провода.

По-какому, скажите мне, праву,
Без лукавства ответьте, молю,
Эти избы, берёзы, купавы
Не услышат святое: «Люблю»?

Ты заморских врагов, Русь, не бойся,
С зельем горе-орда, не с мечом, –
На деревне последний пропойца,
Ныне первым слывёт мужиком...

Если снова невмочь затоскую, –
К незабудке приеду своей.
Обниму тихо тётку чужую, –
Никого не осталось родней.

Ну, а если такое случится,
Что все тропы забьёт лебеда,
Я, возможно, тогда стану птицей,
И опять прилечу я сюда.

И покой с тишиною послушав,
Улечу, озареньем гоним, –
Что при жизни терзало мне душу, –
Было вовсе, увы, не моим...

МАЛАЯ РОДИНА

Что с тобой, Россия, станет?
Плачет родина моя, –
На гробы – дворы и бани
Разбирают сыновья

С горем нажитые избы
Пóтом, нервами, горбом...
Парадокс подлунной жизни?
Или душ людских излом?

Кто же будет, как когда-то,
Нашей юности под стать,
Провожать твои закаты,
Зори талые встречать?

Здесь росли. А уж обеты,
Словно девственность, блюли.
Ну зачем, кому же эту
Мы отдали пядь земли?

Здесь теперь зимой и летом
Полыхает тишина.
Знаю, знаю: тьмы со светом
Продолжается война...

В край родимый буду рваться, –
Только б дал Всевышний сил, –
Где живёт последним Старцем
Дух отеческих могил.

ОГНИ

От любви мне стало холодней
И давно от водки не пьянею...
Гонит Муза, гонит лошадей,
Я не знаю, что творится с нею.

Гаснет вечер, ночь уже близка,
И ящик мой плётки не жалеет.
Пышут жаром вороных бока,
Дождь холодный душу мне лелеет.

Далеко ли? Времени в обрез?
Это, друг мой, лишь Всевышний знает.
Как благословение небес –
Призрачно огни вдали мерцают.

Кто-то всё же пустит на ночлег, –
На Руси жить без добра устали.
С Музой, как с подругой светлых лет,
Проведу я ночь на сеновале...

Ветер, стужа. Рядом уж огни, –
Золотые, жёлтые, родные!
Только разлетаются они,
Как созвездий звёздочки чужие...

Валентина Строгова

г. Рязань

РУССКАЯ КРАСАВИЦА

На женщине не должно быть мужской одежды, ...ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий сие... (Втор. 22,5)

«Нет прекрасней русской девы!..» –
Уверяет нас поэт.
Только нынче девы – где вы?
Вас как будто вовсе нет.
Всюду брюки, бриджи, джинсы,
И лосины, и трико.
Да-а-а, глядеть на наших женщин
Нынче стало нелегко.
Непонятно нам порою,
Где здесь он, а где – она...
Я от вас, друзья, не скрою:
Это – с Запада беда.
Ах, Алёнушки, Джульетты,
Вам Мадонна¹ – не кумир:
Не нужны вам сигареты
И гламура чуждый мир!..
За тлетворное влиянье
Нам зачем гореть в аду?
Прочь мужское одеянье!
В сундуке платок найду,
Выну блузку с «петухами»,
Подпояшу сарафан:
Не страшны стране цунами!
Не уйдёт к другой Иван!!
...Нет прекрасней девы русской!
Но на сердце всё же грустно,
Ведь совсем немного надо,
Чтобы МОДА стала АДОМ!

¹ Мадонна – американская эстрадная певица.

ВО СПАСЕНИЕ

Одинокой звезды свет
Пробивает ночи мрак.
Пеленою грехов – след:
У тебя за спиной – враг.

Он настигнет тебя враз,
У коварства – одна суть:
Оступился – и весь сказ! –
Знать, на ложный ты встал путь.

И ловушку закрыв, – хлоп! –
Поглотит он тебя, съест!..
Но уткнув три перста в лоб,
Ты упрямо кладёшь крест.

У молитвы горяч слог.
Отступает ночи мрак.
Во спасение нам – Бог!
И да будет вовек так!!!

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

Венчиком тёмной окраски
Выткан цветочный наряд:
Это – анютины глазки
Прямо и смело глядят.

Цветикам нежным название
Русским народом дано:
Было когда-то преданье,
Только забыто оно.

Быстро мелькают рассветы,
Год пролетает, как час.
Милые эти букеты
Дарят на память сейчас.

И с любопытством и лаской
Пусть же всегда без прикрас
Эти анютины глазки
Смотрят влюблённо на вас!

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Памяти Д. Ефремова

Стали блёклыми нивы,
Потускнели покосы.
Мюют в озере ивы
Индевелые косы.

Лишь в лазури небесной
Нет увечья и тлена:
Лебединая песня
Вырвет душу из плена!

И она окунётся,
В вечный сон-безмятежность,
Где её не коснётся
Запоздалая нежность.

И мерещатся рая
Изумрудные росы...
Коротка жизнь земная,
Бесконечны вопросы.

Василий Реснянский
г. Энгельс

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Край мой сельский, пусть совсем неброский,
Ты мне мил в далёком далеке!..
Там у дома шепчутся берёзки
На родном хохлатском языке.

В этом доме мать меня качала
В колыбели, сны мои храня.
Здесь лежит дороги той начало,
Что отсюда увела меня.

Я по ней к тебе вернусь однажды,
Когда в травах вызреет земля,
Прошагаю перелесок каждый,
Обойду покосы и поля,

И усну на золотой соломе
Около несметаной скирды.
Буду под Луною в сладкой дрёме
Дождаться утренней звезды,

Чтоб росой холодною умыться
И, беседы с Господом ведя,
Тихо на рассвете помолиться
Перед Солнцем, край мой, за тебя!

ЯБЛОНЯ

Сносили старый дом под новостройку.
И подготовку завершить спеша,
Бульдозеры напористо и бойко
Ровняли землю, всё вокруг круша.

А там, где прежде садик ждал рассвета,
Куда тропинка тонка вела,
Там яблоня, невестой разодела,
Стояла одиноко и цвела.

Нет, не цвела, а просто полыхала
Каким-то светлым колдовским огнём,
Как будто лепестками утверждала:
Прекрасен мир и счастье правит в нём.

Встал перед ней бульдозер напряжённо,
А из кабины юный тракторист
Во все глаза смотрел заморожено,
Как цвет её пронзителен и чист.

Она плыла над разорённым садом
По битым черепкам и кирпичу,
Над этим пыльным рукотворным адом
Неся свою нетленную свечу.

Она, не признавая смерти знака,
Так разметалась всполохом хмельным,
Что даже трактор, в сути – железяка,
И тот застыл, дрожа нутром стальным!

И долго парню совесть не давала
Взять рычаги и надавить на газ...
Ах, как она цвела! Ах, как благоухала!
В тот майский день... В последний раз.

РАССУЖДЕНИЕ

Я – пыль, я – дым, я – невесомый прах,
Над бездной времени летящей на ветрах;
Я – горький вздох, песок, волной гонимый,
Мираж затерянный в дали необозримой.
Я в этом мире ничего не значу.
Мир сам живёт, цветёт, ликует, плачет.
А я в нём сон, я просто вещество,
Клочок материи по имени «Ничто».

И ты в своём ничтожестве убогом,
Решил о смысле жизни спорить с Богом?
С тем, кто есть Всё: и жизнь, и свет, и тьма,
И твердь Земли, и яркий блеск ума,
И звёзд полёт, и запах розы тонкий,
И радуги игра, и смех влюблённых звонкий!
Неслыханная дерзость! Ересь! Вздор!
Как смел задумать ты об этом разговор?!

Но если Бог есть Всё, то значит из того,
Что я частица сущности его!»
И я не пыль, не дым, а так или иначе
Я в этом мире для кого-то что-то значу.
Я мыслю, думаю и, значит, мирозданье
Не может обойтись без моего сознания.
И я не прах, и не песок гонимый,
Я не мираж и у меня есть имя:
Я – гомо Сапиенс, Разумный Человек!
Я – долька времени, что вырастает в век,
Я – крошка разума в спирали жизни вечной,
Я – капля мудрости Вселенной бесконечной,
Я – часть её, как и другой любой...
... И спорю я не с Богом, – сам с собой.

НЕСЁТСЯ ВРЕМЯ

Несётся время бешеным конём.
За мигом миг и день за днём
Мелькают спицы колеса фортуны
И что-то новое нам каждый миг несёт,
И что-то свежее нам каждый день поёт,
Перебирая нашей жизни струны.

Несётся конь, не ведая преград,
Не знает он, не помнит путь назад...
Промчалось детство, а дорога – в гору.
В цветах открылся юности увал,
А там и нашей жизни перевал
За поворотом будет виден скоро.

Резвится конь! Копыта мнут траву.
Ему кричат, его клянут, зовут
И умоляют хоть на миг остановиться,
Но он неумолим, он сквозь года
Вдаль неоглядную, неведомо куда,
Свой бег не замедляя, мчится.

Ах, этот конь не люб и для меня.
Поймать бы того дикого коня,
Взнуздать его и повернуть обратно;
Поднять всё то, что в беге обронил,
Всё то, что он копытом раздавил,
Всё рассмотреть и взвесить аккуратно.

И я, глупец, за временем бежал!
Казалось, гриву я его в ладонь зажал,
Казалось, что в руках оно стучится...
Но где ж оно? Пуста моя ладонь!
А в поле далеко несётся конь,
Лишь пыль из-под копыт его клубится.

Александр Ерохин

г. Саратов

* * *

Уж не смею мыслить о покое, –
Мчусь куда-то с лязганьем и свистом...

Николай Рубцов

Поезд мчится, в даль уносит
От кварталов городских.
Снег лети и путь заносит,
Новой строчкой рвётся стих.

Я сижу на нижней полке.
– Дед, куда тебя несёт?
– На родимую сторонку,
Там душа моя живёт.

Там я в детстве пас скотину,
Цену знал, как хлеб растить.
За проказы хворостиной
Мог сосед и отлупить.

А отец ещё добавит.
Скажет мама: «Разумей!
Обижать на свете слабых
Никого, сынок, не смей!»

– Земляки мы с Вами, значит,
Я ведь тоже с этих мест.
Там зима остатки прячет,
Всё порушено окрест.

– Перестройка натворила,
Бед немало принесла.
– Ничего, найдётся сила,
Что не раз нам Русь спасла.

– Ну и мы с тобою тоже
не должны спокойно спать.
Русь святую нам негоже
Никому в обиду дать.

Так под вой метели снежной,
По дороге в край родной
Пробудился дух мятежный:
Встать за Русь нам всем стеной.

* * *

Не ропщу и не ревную,
Что с того – не любишь ты?
Я тебя во сне целую,
Королева красоты.

Я надежды не теряю,
Что когда-нибудь в пути
Я однажды повстречаю
Ту, что лучше не найти.

Жизнь изменится мгновенно:
Стану я совсем другим –
Буду счастлив непременно,
Как и ты, другой любим.

Я ВЫРВАЛСЯ НА ВОЛЮ

Иду неторопливо
Куда глаза глядят.
Прозрачна даль на диво,
Багрянцем лес объят.

Вот рыжик из-под листьев
В корзинку лезет сам,
Прощально машут птицы,
Взлетая к небесам.

Без птиц, что улетают,
Тоскливо на кусте.
Иду и спотыкаюсь,
Забыв о красоте.

Я вырвался на волю,
Дышу пространством чувств.
Стихи про лес и поле
С моих слетают уст.

* * *

Уходит день... Что остаётся?
Надежда, Вера и Любовь.
Но надо мною смерть смеётся:
«Как в жизни ты наивен вновь!
Здесь, на земле, не всё бессмертно,
Вершится жизни каждый ход.
Твои друзья ушли бесследно,
Подходит твой теперь черёд»...

Молчи, молчи, мой день вчерашний!
Не ты ли строчки мне дарил,
Где соловей о дружбе нашей
Нетленной пел и говорил?

Наталья Тремасова
г. Саратов

СКВОЗНЯКИ

Снегом дворики отгородятся,
Меж дворов – сквозняки нестройные...
На бегу шепчу Богородице:
«Не оставь меня, недостойную!
Не оставь меня зимним вечером,
На заснеженной тёмной улице,
Где свистят сквозняки беспечные,
И сердечко стучит, волнуется...»

Сквозняки под ногами вертятся,
Застилают тропу торёную
И смеются. А вдруг рассердятся
На меня, не в декабрь влюблённую?
Да пойдут атакой свирепую,
Заморозят мне щёки холодом!
Лик луны, бледнолицей репою,
Проплывает над сонным городом...

ТУМАН

Густой туман расставил сети
Среди берёзовых аллей,
Где фонари почти не светят,
И листья на сырой земле
Лежат коврами, увядая.
Ни птиц, ни ветра, ни души...
Одна рябинка молодая
Дрожит в полуночной тиши.
Туман походкою вальяжной
К ней подойдёт, красив и сед,
Укутает вуалью влажной,
Покуда снегопада нет.

ДУША-НЕВИДИМКА

Снова о ней – о душе-невидимке,
Мысли загадочные манят...
Общего целого две половинки
Слиты на время в единое «я».
Я и она – мы в родстве не по крови.
В зеркало гляну, надежды полна...
Губы, глаза, подбородок и брови –
Это всё я! А какая она?

Как мне узнать о ней явное что-то?
Как разгадать её тайную суть?
В жизни печали и радости ноты
Встречи с душою моею несут.
Я тороплюсь, а она успокоит.
Разгорячусь я, она – укорит.
Или задумаю Бог весть какое,
А она, мудрая – отговорит.

Делаю вывод совсем неспесивый –
В зимах и вёснах уходят года...
Лучше – она! И добрей и красивей!
Я постарела, она молода!
Ты молодая, душа-невидимка!
Ты – оберегу святому сродни.
Главная ты, среди нас, половинка –
К Богу Бессмертному мой проводник.

«ДЕРЕВО СЧАСТЬЯ»

«Дерево счастья» в керамике красочной,
Листиков глянцевых плен...
Там где оно – там и денег достаточно,
Нет там обид и измен.

«Дерево счастья» – название смелое!
Если б могло говорить...
Может, раскрыло б секреты, сумело ли
Счастьем кого одарить?

Пышные ветки сбрызну я водицею,
Пусть зеленеют ростки,
Чтобы продолжить мне эту традицию
Из суеверий людских.

На подоконнике вот разрастается,
Свежестью в лето маня,
«Дерево счастья» и пусть постарается
Сделать счастливой меня.

Евгений Четвериков
г. Петровск

MAME

«Боже мой, как постарела мама!» –
Я с тревогой думаю опять.
Восемьдесят – знаю, что немало,
Только сердцем не хочу принять.

Что же пожелать тебе, родная?
Жить подольше, нас не покидать.
Чтобы ежеутренне, вставая,
Знал бы я, что у меня есть мать.

Чтобы, виноватый и несчастный,
Слышал я, переступив порог,
Как и прежде – это ли не счастье? –
Твой укор: «Ну, что же ты, сынок?..»

НАТАЛЬЕ

Беспутным был когда-то я. «Позор!» –
Молва людская часто говорила.
И вдруг – за что – не знаю до сих пор,
Такую Женщину судьба мне подарила.

Как часто подставляла мне плечо,
Иначе я, ей-ей, сошёл бы с круга.
Благодарю судьбу я горячо
За то, что мне дала такого Друга.

Летят года, их не остановить, –
Моей жене исполнилось полвека.
Я должен вновь судьбу благодарить
За то, что встретил в жизни – Человека.

ЛЮБИТЬ ИЛЬ НЕ ЛЮБИТЬ

Любить иль не любить –
Не в нашей власти.
Любовь таит начало всех начал.
Я столько лет, как в колдовской напасти,
Вас видел, но почти не замечал.

Любовь пришла не сразу и не скоро,
Тянулся долго тусклых дней реестр...
Но как по мановенью дирижёра,
Вдруг заиграл чарующий оркестр.

И страстных грёз в душе звучали скрипки,
И пела Леля сладкая свирель,
И изнывал Орфей по Эвридике,
И грусть щемила, как виолончель...

Но падали слова любви, как в вату.
В глухой тоске не знал я, как мне быть.
И в этом Вы совсем не виноваты,
Я просто Вас не смог в себя влюбить.

Добраться я хотел до Вашей сути,
Я жаждал страсти, жаркого огня.
Но ждать устал...
Прошу, меня забудьте
И в новый век идите без меня.

УХОДИТ ЛЮБОВЬ

Сегодня ты опять грустна,
Сегодня снова я печален.
И не нужны уже слова,
И мы, в который раз, молчали.

Ну как её остановить, –
Любовь, которая уходит?..
Чем можно солнце заменить
На опустевшем небосводе?

Слетают листья с тополей,
Берёзки осенью раздеты.
А мне так жаль прошедших дней,
И я хочу вернуться в лето.

Огни на улицах зажглись,
И дождь становится всё тише.
А я кричу тебе: «Вернись!»,
Но ты уходишь и не слышишь.

Ну как её остановить, –
Любовь, которая уходит?..
Чем можно солнце заменить
На опустевшем небосводе?

Валерий Савин

г. Петровск

БОРОДИНО

Бородино! Бородино,
Явилось миру ты давно,
Но отчего ж сквозь строй веков
Ты всё сильнее волнуешь кровь?
Ты – предков наших вещей зов,
России преданных любовь!

Бородино! Бородино,
Не знаю битвы я иной,
Где б русских так отвага, честь
Слились в одном порыве – месть.
И чувством гордости полны
Свой долг исполнили они.

Бородино! Бородино,
Стать русской славой суждено,
Позором для мусьё – врагу,
Что жаждал Русь придать огню.
Одна здесь участь всех сынов –
Не разбудить от вечных снов.

И пусть оставлена Москва –
Звучит уверенно молва:
– Коварный враг в ловушке!
– Но что ж утихли пушки?
– А тут и без атаки
французам «охи-ахи»!

«Сберечь штыки, врага – в загон» –
таков Кутузова закон.
И дрогнул вдруг Наполеон:
Москву покинул в страхе он,
И по большой дороге
Едва уносит ноги.

Бородино! Бородино,
Здесь было всё предрешено:
– Кто к нам, на Русь, с мечом пойдёт,
Тот от меча сам и умрёт!
На том стояли и стоим,
И Русь святую тем храним.

Бородино! Бородино,
Могучим племенем оно
Из глубины встаёт веков.
То племя мне волнует кровь.
Звучит набатом на весь мира:
– Потомок мой, не посрами!

ПРИРОДА ШЕПЧЕТ...

Природа шепчет, увядая:
«Войди в меня, как в храм искусств,
Познай красу родного края
На высоте осенних чувств

Когда горят леса и рощи
Холодным сказочным огнём,
И светлый день под солнцем тощим
Звенит нагорным хрусталём.

В прозрачном воздухе сверкает
Рой паутинок золотых,
И вдруг неслышно повисает
На ветках елей молодых.

И, улыбаясь, бабье лето
Спешит сторонкою к стогам,
И позолоченной монетой
С берёзы лист летит к ногам.

К ОТЧИЗНЕ

Россия, Русь, Русена золотая,
Гиперборея в северных огнях, –
Всё это ты, Отчизна дорогая,
В давно минувших, сгинувших веках.

Люблю тебя душою всей до боли.
Мне жаль твоих утраченных земель.
Всё снится мне приморское раздолье
И светлый город Русская Осель.

Палёный стан. Забытые пеласги
Впервые заселили дикий край,
Из моря выйдя, как из детской сказки,
И сотворив на новом месте рай.

Я вижу Троию в пламени пожара,
Парис в мученьях от смертельных ран.
Дар Одиссея стал венцом финала,
И Моисей напал на Ханаан.

Все племена, Троаду покидая,
На русскую равнину вышли вновь.
В борьбе за жизнь и за просторы края
Не раз рекою растечётся кровь.

И вот явился вещий князь словенский,
Что беззаветно Рюрику служил,
И совершил однажды подвиг дерзкий:
Он две Руси в одну объединил.

Сейчас твои герои космодромов
Готовы трассу к Марсу проложить.
Но где герой, что прекратит раздоры,
Сумеет кто тебя объединить?

РОДИНА

Люблю степей твоих просторы,
Твои органные моря,
Озёр таинственные взоры,
Россия, Родина моя.

И вскрытых рек люблю разливы,
И сочный цвет живых ковров,
И томный пруд с печальной ивой,
И трепет вызревших хлебов.

Глухих лесов люблю прохладу,
В лучах играющий ручей.
Грозы нежданной канонаду
И звездопад седых ночей.

Люблю твой знойный, сонный полдень,
Когда ленивая река
Сверкает зеркалом, и колбень
Уткнулся стайкой в берега.

А как на солнце в день морозный
Горит в алмазах ярких снег!..
И в праздник кучер тройки борзой
Слегка придерживает бег.

Люблю, когда бушует вьюга,
А в тихой комнате тепло.
И рядом вечная подруга
И на душе светло-светло.

В чужих краях, когда б я ни был
Вдали от родины границ,
С тоски мне снятся пламя неба
И искры солнечных ресниц.

Моя надежда ты и сила,
Огонь негаснущей любви.
Пусть я паду, но ты, Россия,
Живи, молю тебя, живи!

Альбина Трофимова

г. Саратов

НА СОКОЛОВОЙ ГОРЕ

Текут, текут слёзы,
И ветви берёзы
Склонились над памятью лет.
Взмыл клин журавлиный
Над братской могилой,
Что в камне застыла навек.
 Ступени всё выше,
 Шагаем всё тише,
 Раскинулся город внизу,
 И мост через Волгу.
 Обратно в дорогу
 Тяжёлую ношу несу.
Снаряды и пушка,
Блиндаж и избушка,
Подарок на фронт – самолёт
В музее открытом.
Сбивал «мессершмитты»
Еремин и наш пчеловод.
 Есть памяти книга.
 С надеждой уныло
 Склонилась над ней ветеран.
 Слеза вдруг блеснула,
 На имя наткнулась,
 И трудно ей выпрямить стан.
С горы Соколовой,
Где танки сурово
Средь елей зелёных стоят,
Спешить было нужно...
Притихшие дружно
Мы в город вернулись назад.

ПЕРВЫЙ КОСМОНАВТ

Планета содрогнулась в ожиданье.
Сквозь тьму веков и толщу многих лет
Взлетает в космос русский сын Гагарин,
Одним витком оставив вечный след.

В далёком детстве штурмовал он книжки,
Мечтам о небе не было преград.
Студентом стал в Саратове мальчишка,
А приземлился первый космонавт!

Ещё земля качалась под ногами,
Когда спустился в поле, а в ответ:
«Кто это? – в страхе жители гадали, –
Небесный ангел, дьявол, человек?»

Затем окрепнув, отдохнув немножко,
Доклад – руководителю страны,
Овации, ковровая дорожка,
И новые российские сыны.

Но этот день апрельскою весною
Установил навек на пьедестал
Космического первого героя,
Что в небо всем дорогу протоптал!

Светлана Барбье

г. Энгельс

ТРИ СЛОВА

– Скажите три слова про Колю Рубцова...
А что про Рубцова могу я сказать?
Купила я сборник и села в столовой,
За чашечкой чая его почитать.

А стала читать и совсем позабыла
И кто я, и где я, и месяц какой.
Вода в моей чашке давно уж остыла.
Рубцовские строки пила всей душой.

Нехитрые строки о жизни, о море,
О дальних краях и родной стороне,
О звёздах полей, о деревне Николе,
О зайце, медведе, вороне, коне.

О том, что листва с тополей улетела,
О том, что легко по дороге шагать,
Что в парке оркестр был укрыт снегом белым,
И что не так просто фуфайку продать.

А здесь, на холме, – не мои ли виденья?
А там, среди лугов, уж не я ль рву букет?
А это не ты ль оглянулся, Есенин?
А это не мой ли закат и рассвет?

Живая вода вдохновенного слова
Насытила душу своей теплотой.
– Скажите три слова про Колю Рубцова...
Конечно, скажу! Это – гений простой!

ПРИВЕТ, ВОЛГА!

Я плеска волн не слышала так долго:
Декабрь, январь, февраль, весь март почти.
Привет тебе, душа родная, Волга!
Гляжу, опять бежишь, опять в пути?

Куда на этот год свой путь ты держишь?
До Каспия, проведать старика?
Своей любви к нему ты не изменишь,
Один маршрут на годы, на века!

Я вижу, ты в дороге притомилась.
Давай-ка перекинемся словцом;
Ты расскажи, что за зиму приснилось,
Тревожным ли спалось иль светлым сном?

Жаль, недосуг тебе стоять со мною,
До декабря болтали бы как раз!
Ты напоследок мне плесни волною
Да и беги, родная. В добрый час!

Максим Крижановский
г. Вольск

РУССКАЯ НОЧЬ

Русская ночь...
Пляшут под месяцем волки.
Сгнули прочь
С неба светила осколки.

Радуют слух
Птичьи всеобщные бденья;
Крикнет петух
В тихой ночи заточенья.

Эх! Я сижу
Возле реки на камнях.
Честно скажу:
«Русская ночь – умиление...»

Тысячи глаз
Сверху сверкают свечами.
Чувственный час...
Да! Я с Россией венчаюсь.

* * *

Прекрасны утренние зори,
Прекрасно чувствовать рассвет,
Прекрасно видеть на восходе
Прекрасной девы силуэт.

Прекрасны утренние зори, –
Они несут нам новый день,
Который лучиком в заборе
Осветит спелую марель.

Салимжан Гайсин

г. Балаково

ОТЪЕЗД

Поцелуй, родная, уезжаю,
Где-то на краю земли найдусь.
Позовёшь, конечно же, я знаю.
Если позовёшь – опять вернусь.

Затянуло небо тучей синей,
Только нет ни капельки дождя.
Я плутаю где-то по России,
Зная, что ты верно ждёшь меня.

Поцелуй, когда к тебе приеду,
До ногтей пропахшего тайгой.
Подожди, окончится вот лето,
Снова повстречаемся с тобой.

Поцелуй, да так, чтоб не уехал,
Чтоб остался дома навсегда,
И в объятьях стал простым и грешным,
Мудрым, как сибирская тайга.

Пригласи на кухню, чашку чая
С морсом клюквы трепетно налей.
Как же мало надо нам для счастья,
Чтобы было всё, как у людей.

ЛЕТНЕЕ

В селе опять поёт петух.
На горизонте солнце встало.
Сергей – потомственный пастух –
Встаёт обычно очень рано.

Он сельских соберёт коров,
Погонит солнышку навстречу.
Они, пастуший слыша зов
Идут покорно.
Будет вечер

И шумно в поздний час опять
Своих Пеструшек и Бурёнок
Хозяйки выбегут встречать,
Ведь просит молока ребёнок.

Ему, конечно невдомёк
(Он с молоком растёт с пелёнок),
Что у коров был путь далёк,
А вместе с ними сто дорог
Прошёл пастух, мой друг Серёга.

Александра Перикальская
г. Хвалы́нск

* * *

Воспоминаний томик светлый
Передо мной в пыли лежит.
Сквозь сердце рвётся искра света
И нежно по листьям бежит.
Мне томик маленький расскажет,
Что скрыла времени пыльца.
На строчки отраженье ляжет
До боли близкого лица.
До боли светлые картины:
Сквозь свет смеются тополя,
Сплетаются в узор единый
Уже пройденные поля.
Вот под луной притёрлись горы,
Выводят трели соловьи,
С душою близкой разговоры...
Давно забыты... Не твои?
Вот тихий шорох, мягкий, частый,
Густого леса забытьё.
А вот любви возможной счастье.
Взгляни поближе. Не твоё?
Развилка врозь разводит тропку:
Здесь, у излучины у ручья,
Склонилась лютика головка,
Купаясь в солнечных лучах.
Смотри, вот девочка босая
Бежит, а с ней – её мечты.
Во в воду камушек бросает.
Ах, как похожа... Может, ты?
Смотри, вокруг неё берёзы,
И столько в небе красоты!
Смотри! Смотреть мешают слёзы?
Ну вот, а говоришь, не ты...

* * *

Зыбкой тенью мелькает ограда,
Листья шепчутся и шумят.
Так печальна дорога из сада,
Так прекрасна – ведущая в сад.
Столько разных тропинок на свете,
Ни одна не прервётся в пути.
И по нашей безмолвной планете
Можно длинной тропинкой пройти.

Какова моей жизни тропинка?
Не короче ли этого дня?
Я, наверное, просто былинка,
И никто не заметит меня.

Колокольчика тонкая ножка
Поприветствует нас на пути.
Наша жизнь – это та же дорожка,
Но с неё мы не можем сойти.
Но чему же тогда я так рада,
Не хочу оглянуться назад?
Как печальна дорога из сада,
Как прекрасна – ведущая в сад!

Виктория Аристова
с. Перелюб Саратовская область

ЯЗЫК

Что есть язык? Что мы в него включаем?
Кто нам ответит, как он жил и рос?
Спешим и в суете не замечаем,
Что сложен стал для нас теперь вопрос.
Уходят люди. Солнце снова светит,
И точит камни смелая вода,
Но жил, живёт и будущее встретит
Язык, – остаться призван навсегда!
Бушуют войны. Время ускользает.
Живёт огромный мир. Цветёт сирень.
Живёт язык, народ его меняет,
Обогащает каждый новый день
Язык – он, как дитя творенье света!
Его нельзя измерить и купить.
Язык – помощник мудрого поэта,
Но языком ведь можно и убить.
Язык – он вечен. Вечны мы и время.
Что он хранит – постичь дано не всем.
Он в каждом зарождает света семя,
Кто не растит его, тот остаётся нем...

* * *

Февраль в белый пух прячет ноги.
Туман сапогами стучит.
Жуёт белый снег у дороги,
То плачет, то громко кричит.
Играет с метелью на скрипке,
Капелью бежит по окну.
То палкой стучит по калитке,
То каплей скользит по стеклу.
Серебряный шёлк развеивает,
Баюкает крошку-луну,
Перины свои выбивает,
Готовится снова ко сну.
То вихрем летает над крышей,
А после уносится прочь,
И к вечеру ветер потише,
Приходит февральская ночь.
Светило янтарное встанет,
Насытит планету теплом.
А март погулять меня манит
С, как солнышко, рыжим котом.

Ольга Шавыкина

г. Вольск

* * *

...На фотографии военной
Отец в пилотке, полон сил.
Таких, как он, весной победной
Мир славил и благодарил.

Германия. Он пол-Европы
Прошёл, чтоб встретить этот май.
Солдат Иван был из породы
Тех, кто не падал, а стоял.

В болотах псковских, под обстрелом
Держал и бил нещадно враг.
Арткорпус здесь понёс потери,
Осталось с батальон ребят...

Во льдах на Ладоге свинцовой,
Косил людей смертельный град,
Но по дороге жизни снова
Машины вёл Иван-солдат.

Брал Кенигсберг – оплот и крепость,
И под лавиною огня
Связь с генералом обеспечил,
Медалью награждён не зря.

Прошёл солдат огни и воды,
Смертям не раз в глаза смотрел,
Он фронтовых четыре года
Сражался честно, как умел.

Судьба не раз его хранила
От пули и смертельных ран.
Земля ему давала силы,
Ведь он – крестьянский сын Иван.

Май 45-го. На фото
Отец – простой солдат войны.
Прищур весёлый под пилоткой,
Как будто он не знал беды.

Крепка Иванами Россия,
Их не сломать, не запугать!
Их широту души и силу
Нельзя забыть, нельзя предать!

* * *

Казачьи корни прорастают крепко,
Сквозь толщу лет напомнят о себе.
По Дону, по Хопру селились предки,
Чтоб сеять хлеб и охранять страну.

Чубы лихие, взгляды непокорны, –
Горяч характер этих казаков!
Сродни стихии было их упорство,
Коль выходили с шашкой на врагов.

Звенели стремяна, летели кони,
Победу с боем брали казаки!
За веру православную и волю
За землю русскую – себя не берегли.

Кому Георгиевский крест в награду,
Коту-то – только холмик полевой.
Лишь песня казаку была отрадой:
«Ой, да не вейся, ворон, надо мной...»

Олег Молотков

г. Саратов

Олег Молотков (1934–2010гг.) – саратовский поэт-сатирик. Его принимали в Союз Писателей по двум детским книгам. Не приняли, сославшись на некую несерьёзность. И лишь на правлении, время спустя утвердили, прочитав сатирические стихи в газетах. Много лет назад написанное Молотковым актуально по сей день. Его сатиры не стареют. В богатом творческом наследии поэта нашлись и стихи, посвящённые Николаю Рубцову.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Взгляд у всех редакторов свинцов,
Даже на лирического гения.
Николай Михайлович Рубцов
В «Волгу» посылал стихотворения.
Только зря расходовал свой пыл,
Зря писал в журнал неоднократно.
Ну кому тогда он нужен был??
Шли конверты в Вологду обратно.
А теперь, когда его уж нет,
Пишет «Волга» о рубцовском стиле,
Что Рубцов прекраснейший поэт,
Правда, его поздно оценили.
На таланты многие века,
Перьев оцетинивши кинжалы,
Смотрят как на злейшего врага
Все провинциальные журналы.

УЖАСНОЕ

Заглянул в чужие двери
И отпрянул от испуга:
Таим разгневанные звери
Рвали в ярости друг друга.
В глубине большого зала
Пасти скалили сурово,
И увидел я шакала
С головою Горбачёва.
Рукавом закрывши очи,
Сам уже по волчьей воя,
Заорал из всей я мочи:
«Это что же тут такое?»
И упал куда-то вниз,
Словно налитый свинцом.
Это наш социализм
С человеческим лицом.

(2 октября 1990).

ПРАВДИВОЕ

Правды в жизненном пути
Я нигде не мог найти.
Я искал её, но сплошь
Всюду видел только ложь.
И, прожив полсотни лет,
Понял я, что правды нет.
Её можно повстречать
Лишь в ларьке «Союзпечать».
Правды хочешь, милый? На!
Три копейки ей цена.

МУЗЫКА

Владимир Ступельман

г. Энгельс

В МИНУТЫ МУЗЫКИ

В МИНУТЫ МУЗЫКИ ПЕЧАЛЬНОЙ Я ПРЕДСТАВЛЯЮ ЖЕЛТЫЙ ПЛЕС
И ГОЛОС... ЖЕНЩИНЫ ПРОЩАЛЬНЫЙ И ШУМ ПОРЫВИСТЫХ БЕРЕЗ
И ПЕРВЫЙ СНЕГ ПОД НЕБОМ СЕРЫМ СРЕДИ ПОГАСНУВШИХ ПОЛЕЙ,
И ПУТЬ БЕЗ СОЛНЦА, ПУТЬ БЕЗ ВЕРЫ ГОНИМЫХ СНЕГОМ ЖУРАВЛЕЙ...

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но всё равно в жилищах зыбких –
Попробуй их останови! –
Переключаясь, плачут скрипки
О жёлтом плесе, о любви.

Но всё равно под небом низким
Я вижу явственно, до слёз,
И жёлтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берёз.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чём...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём.

ПОЛОЖЕНИЕ
О проведении литературного конкурса
«Душа хранит – 2013»

1. Общие положения

1.1. Саратовский Рубцовский центр, созданный с целью пропаганды творчества великого русского поэта Н.М. Рубцова и выявления молодых талантливых литераторов, пишущих в «Рубцовском» направлении, совместно с Саратовским отделением Союза писателей России проводит конкурс в 2013 году с последующим подведением итогов и выявлением победителей.

1.2. Конкурс проводится в целях повышения общественной значимости людей, создающих культурные ценности, играющих важную просветительскую и воспитательную роль в жизни города Саратова и Саратовской области.

1.3. Для проведения конкурса формируется жюри, которое оценивает представленные на конкурс творческие работы.

1.4. Организаторы конкурса обеспечивают равные условия всех участников конкурса, гласность в проведении конкурса.

2. Участники конкурса

2.1. В конкурсе могут принять участие авторы литературных произведений, проживающие в городе Саратове и Саратовской области и представившие свою творческую работу в соответствии с условиями конкурса. Авторы участвуют в конкурсе самостоятельно и добровольно. К участию приглашаются авторы, пишущие на русском языке, как начинающие, так и публикующиеся, независимо от гражданства, возраста, членства в Союзах писателей.

3. Требования к конкурсным работам

3.1. На конкурс принимаются творческие работы собственного сочинения. При этом авторы литературных произведений должны гарантировать, что все авторские права на эти произведения принадлежат именно им, и исключительное право на их публикацию не передано третьим лицам и не нарушает ничьих авторских прав.

3.2. Литературные произведения принимаются на конкурс в печатном виде (лист формата А 4) на русском языке с приложением электронной копии на диске, дискете или флеш-накопителе. (Напоминаем, что в русском языке есть буква ё).

3.3. К участию в конкурсе не допускаются литературные произведения, культивирующие насилие, наркоманию, криминальный образ жизни, индивидуальные психические отклонения, агрессивное неприятие общества. Не рассматриваются литературные произведения, содержащие ненормативную лексику, а также способствующие возбуждению национальной, расовой или религиозной вражды.

4. Условия проведения конкурса

4.1. Конкурс проводится в один этап по следующим номинациям:

- проза (роман, повесть, рассказ, новелла);
- поэзия (стихи, поэма);
- драматургия (пьеса, комедия, трагедия);
- музыкальные произведения (музыка на стихи Н.М. Рубцова);
- публицистика;
- литературоведение;
- живопись (изображение Н.М. Рубцова).

4.2. Просмотр конкурсных работ проводится в январе 2014 г.

4.3. На конкурс представляются следующие материалы:

- конкурсное литературное произведение (в двух экземплярах), подписанное псевдонимом на каждой странице;
- в отдельном почтовом конверте короткие сведения об авторе и расшифровка псевдонима);

4.4. Литературное произведение, конверт со сведениями об авторе и электронный носитель должны быть помещены в целлофановый файл или папку.

4.5. Факт подачи заявки на участие в конкурсе означает согласие автора на размещение литературного произведения в средствах массовой информации и на дальнейшую публикацию этого литературного произведения на безгонорарной основе в альманахе, который может быть выпущен по итогам конкурса.

- 4.6. Каждый участник может представить на конкурс не более одного материала в каждой номинации.
- 4.7. Победитель определяется в каждой номинации конкурса.
- 4.8. Представленные на конкурс материалы не рецензируются и не возвращаются.
- 4.9. Материалы на конкурс направляются простым письмом по адресу: 410028 г. Саратов, ул. Советская, 20/28 Союз писателей России.

5. Награждение победителей конкурса

- 5.1. Победители конкурса в каждой номинации награждаются дипломами и грамотами конкурса.
- 5.2. Итоги конкурса проводятся в январе 2014 года и будут опубликованы в городских средствах массовой информации.

Справки по телефонам: **72-21-81, 65-89-17.**

СОДЕРЖАНИЕ

Любовь Чиркова Итоги конкурса «ДУША ХРАНИТ– 2012.....	4
Александра Баженова Рубцов в Саратове.....	8
Любовь Чиркова По родным местам Рубцова	11
Владимир Вардугин «За всё добро расплатимся добром...».....	19
Вера Галактионова Волга – русская река.....	24

ПУБЛИЦИСТИКА

Александра Баженова «...И вечности медленный ветер моё овекает лицо»	30
Тамара Кайль Мы сохраним тебя, русская речь.....	42
Валентина Суханова Слово о критике Александре Баженовой....	46
Елена Умнова «Вот моя деревня, дом, что стал родным».....	49
Евгений Саблин Губительный рок сближения сердец.....	56
Александр Дивеев О друге-поэте.....	60

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валерий Савин О деформации стихотворения М. Лермонтова....	64
--	----

ПРОЗА

Александр Свешников «Мобильный» развод	71
Пушкин, золотая рыбка и «членовоз».....	73
Ольга Бабрис Птица «Феликс».....	76
Тамара Серова Лида мыла полку.....	83
Юрий Дудаков Макарыч.....	94
Евгений Саблин Почти некрасовский сюжет.....	97

ПОЭЗИЯ

Ольга Комарова Синь-Хвалынь.....	102
Городок на юру.....	103
Путь Николая Рубцова.....	104
«Тайна гибели Рубцова...».....	105
Дмитрий Серов «За дорогой, где ветра живут...».....	106
«Пленительная, злая, неужели...».....	107
Прохлада.....	108
«Ломает Волга надоевший лёд...».....	109
Юрий Гринёв «Позвала опять меня дорога...».....	110
«Не зови меня в край лебединый...».....	111
Маме.....	112
«У пруда, над склонёнными ивами...».....	113
Александр Дивеев Хрустальный август.....	114
Незабудка.....	115
Малая родина.....	116
Огни.....	117

Валентина Строгова Русская красавица.....	118
Во спасение.....	119
Анютины глазки.....	120
Лебединая песня.....	121
Василий Реснянский Утренняя молитва.....	122
Яблоня.....	123
Рассуждение.....	124
Несётся время.....	125
Александр Ерохин «Поезд мчится, в даль уносит...».....	126
«Не ропщу и не ревную...».....	127
Я вырвался на волю.....	128
«Уходит день...».....	129
Наталья Тремасова Сквозняки.....	130
Туман.....	131
Душа-невидимка.....	132
«Дерево счастья».....	133
Евгений Четвериков Маме.....	134
Наталье.....	135
Любить иль не любить.....	136
Уходит любовь.....	137
Валерий Савин Бородино.....	138
Природа шепчет.....	139
К отчизне.....	140
Родина.....	141
Альбина Трофимова На Соколовой горе.....	142
Первый космонавт.....	143
Светлана Барбье Три слова.....	144
Привет, Волга.....	145
Максим Крижановский Русская ночь.....	146
«Прекрасны утренние зори...».....	147
Салимжан Гайсин Отъезд.....	148
Летнее.....	149
Александра Перикальская «Воспоминаний томик светлый...».....	150
«Зыбкой тенью мелькает ограда...».....	151
Виктория Аристова Язык.....	152
«Февраль в белый пух прячет ноги...».....	153
Ольга Шавыкина «На фотографии военной...».....	154
«Казачьи корни прорастают крепко...».....	155
Олег Молотков Памяти Николая Рубцова.....	156
Ужасное.....	157
Правдивое.....	157

МУЗЫКА

Владимир Ступельман	160
Положение О проведении литературно-музыкального конкурса «Душа хранит – 2013»	161

Альманах №4
Литературного конкурса
Саратовского Рубцовского центра
«Душа хранит» – 2013

Редактор-составитель	Л.Л. Чиркова
Корректорская правка текстов	О.Н. Макарова
Вёрстка	С.Ю. Лиж
Оригинал-макет, дизайн	С.А. Чирков

Подписано в печать 27.11. 2013. Формат 84x108/16
Бумага офсетная №1. Гарнитура Arial.
Усл. печ. л. 5, 78. Тираж 100.

Информационно-издательский комплекс «Вестник»
410010, Россия, г. Саратов, ул. Геофизическая 31/45

Отпечатано в типографии Саратовского института РГТЭУ